

ПОЛИТГЕО

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 03-06-80087.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ТРАНЗИТА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ¹

Процесс перехода к демократии в посткоммунистических странах включает в себя электоральный транзит – развитие института демократических выборов, связанное с формированием многопартийных систем. Процессы электорального транзита представляют огромный интерес для электоральной географии, поскольку позволяют установить географические закономерности, определить, как и насколько они соответствуют тем закономерностям, которые характерны для развитых демократий. Наблюдаемая ныне сегментация посткоммунистических обществ определяется как по географическим (региональные разломы), так и по социокультурным (социальные и этноконфессиональные стратификации) параметрам. При анализе выборов в территориальном разрезе отчетливо видны характер и глубина регионализации (региональной сегментации, если опираться на терминологию А.Лейпхарта) посткоммунистических обществ.

В качестве отправной точки, как и наших предыдущих исследованиях географии выборов, целесообразно выбрать концепцию диффузии инноваций. Посткоммунистические страны интересны тем, что сам институт многопартийных выборов является для них инновацией, заимствованной с Запада (равно как заимствованными были многие идеологические конструкции, на основе которых создавались новые партии или реформировались коммунистические). Большинство стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) вернулось к таким выборам после более или менее длительного перерыва, иной раз связанного со сменой поколений. На некоторых территориях многопартийные выборы вообще проводились впервые в истории.

**Инновационные
центры ЦВЕ:
праволибе-
ральный тип
голосования
и электорально-
географические
инверсии**

В качестве рабочей гипотезы следует принять, что инновационные центры посткоммунистических стран должны были проявить наибольшую активность в своем стремлении встроиться в процессы глобализации, воспринять политические идеи и концепции, характерные для Западной Европы. С другой стороны «традицией», укорененной, однако, в разных странах в разной степени становилась коммунистическая (или социалистическая) идея (трансформированная, т. е. в той или иной степени адаптированная к западным идеоло-

гическим трендам при учете, конечно, массовых настроений в данной стране). С географической точки зрения это означало, что периферийные территории посткоммунистических стран должны были в большей степени сохранять левую ориентацию, проявляя своеобразный «левый консерватизм» или по крайней мере позиционируясь левее центра (в рамках характерной для данной страны системы политико-идеологических координат). Напротив, инновационные центры должны были демонстрировать максимальный антикоммунизм, стремясь порвать с недавним прошлым и стать органичной частью Европы.

Вырабатываемый инновационными центрами посткоммунистических стран тип голосования в соответствии с этой рабочей гипотезой должен носить праволиберальный характер. Это лишь отчасти соответствует типу голосования западных инновационных центров, которые, как показали наши прошлые исследования, демонстрируют скорее смешанный леволиберальный тип голосования (социалисты или социал-демократы плюс либералы). Правоконсервативные силы не пользуются популярностью в значительной части инновационных центров Западной Европы, поскольку их база поддержки связана скорее с традиционалистскими перифериями, особенно теми, где большим влиянием пользуется церковь (пример «Альпийского пояса»). Крупный западноевропейский город часто представляет собой или «электоральный микрокосм», в котором собраны все основные электоральные тенденции данного государства (а сегментация происходит на уровне микрогеографии городских кварталов), или центр с отчетливо выраженной левой или смешанной леволиберальной ориентацией. Эти тенденции подчеркивают роль данного города как инновационного центра на контрасте с консервативно-религиозно-традиционалистской периферией.

Напротив, в посткоммунистических странах, где плавный политико-исторический процесс был прерван десятилетиями господства коммунистической идеологии (точнее – более или менее удачных попыток ее внедрения), именно инновационные центры принялись активно демонстрировать традиционализм, который был связан с идеей национального возрождения (с выраженными в разной степени националистическими обертонами). И, соответственно, они не могли воспринять левые идеи, пусть даже трансформированные и «европеизированные», поскольку стремились быстрее избавиться от всего «левого». В инновационных центрах ЦВЕ, таким образом, проявляется вторичная диффузия инноваций, когда возникшая после краха социалистической системы инновация сочетает прозападные настроения (и, соответственно, заимствование западных идеологий) с идеями национального возрождения. В итоге настроения избирателей в этих центрах сочетают в разных пропорциях общедемократические (прозападные и антикоммунистические), протрадиционалистские вплоть до националистических и европейско-либеральные тенденции.

Наиболее яркие примеры праволиберального голосования в инновационных центрах посткоммунистических стран связаны как раз с теми странами, которые в наибольшей степени интегрированы с Западной Европой, а именно с Чехией и Словенией, двумя славянскими странами, испытывавшими наибольшее германо-австрийское влияние. Именно эти страны в наибольшей степени сохранили национальные традиции и в наименьшей степени восприняли коммунистические идеи. Поэтому сдвиг их инновационных центров вправо в процессе «бархатных революций» был неизбежным.

В Чехии правую тенденцию задает Гражданская демократическая партия, наследница Гражданского фронта, сыгравшего ведущую роль в «бархатной революции». Голосованием за ГДП ярко и четко выделяется Прага, вокруг которой формируется хорошо выраженное «чешское ядро» поддержки этой правой партии. На выборах 1998 г. ГДП получила в Праге 42,4% голосов (при 27,7% по стране в целом). В 2002 г. эти результаты составили 33,8% и 24,5% соответственно (при общем снижении интереса избирателей к этой партии). С некоторым отставанием за Прагой следует Среднечешский регион, т. е. ближайшее окружение Праги. Заметим, что на выборах 2002 г. ГДП выступила лучше, чем по стране в целом, на основной территории собственно Чехии (если отличать собственно Чехию, или историческую Богемию, от восточной половины Чешской республики – Моравии). Более 25% голосов было получено в Либерецком, Градец-Краловецком, Пльзеньском и Южночешском регионах, т. е. на всей территории «чешского ядра» вокруг Праги.

Особенность Словении заключается в том, что одной из ведущих партий там является Либеральная демократия Словении, партия, подчеркивающая свою либеральную, а не правоконсервативную ориентацию. Это сближает ее с либеральными партиями Западной Европы, которые обычно пользуются высокой популярностью в инновационных центрах. Та же география проявляется и в Словении, хотя с оговорками, поскольку страна является очень компактной, и роль инновационных центров здесь могут играть не только наиболее крупные города, но и довольно мелкие, притом достаточно «продвинутые» промышленные центры (Словения – пример страны, где происходило диффузное развитие передовой индустрии). На выборах 2000 г. ЛДС набрала более 40% голосов на большей части округов Любляны и Марибора – двух ведущих центров Словении, «первой» и «второй» (конкурирующей) столиц. Благоприятствовали ЛДС и другие крупные по словенским меркам промышленные центры, такие как Веленье (городок, где расположено известное предприятие по производству электротехники Gorenje), Трбовле (центр угледобычи), Целе и др. На выборах 2004 г. наилучшие результаты (при общем снижении показателя данной партии) были опять же получены в Любляне (более четверти голосов).

В Польше и Словакии в инновационных центрах также хорошо выражено голосование за политические партии более правой ориентации. В Словакии, как и в Чехии, раскол «центр – периферия» оказался хорошо выраженным. В инновационных центрах здесь укрепилось Словацкое христианско-демократическое движение, ведущая правоцентристская партия. В 2002 г. оно получило в различных округах Братиславы от 33,2% до 40,65% (при 15,1% по стране в целом). Вокруг Братиславы (как и вокруг Праги) сложилась зона тяготения с повышенной поддержкой СХДД. То же самое было характерно и для выборов 1998 г., когда Демократическая коалиция, получив по стране 26,3%, набрала в Братиславе более 40% голосов. В 2002 г., наряду с Братиславой, повышенными показателями голосования за СХДД выделились некоторые другие значительные центры Словакии. Прежде всего, это – Кошице, второй по величине словацкий город, «столица» восточной части страны. С некоторым отставанием от братиславских показателей здесь СХДД получило от 25 до 30% по разным городским округам. Кроме того, более 20% голосов СХДД набрало в таких заметных центрах Словакии, как Прешов, Банска-Бистрица и Попрад (хотя другие подобные центры – Мартин, Жилина, Нитра, Трнава голосовали несколько по-иному²).

Неплохо выраженная правая ориентация инновационных центров достаточно характерна и для Польши. Наиболее ярким примером типично столичного голосования на выборах 1997 г. стало голосование за Союз свободы – партию известного либерального экономиста Л.Бальцеровича. Эта партия получила более 20% голосов в Варшаве, Кракове, Вроцлаве и индустриальном Катовице (столица старопромышленной Силезии). Неплохие результаты на уровне более 15% были получены в Познани, Щецине, а также в ряде менее крупных промышленных центров. Таким образом, почти все наиболее крупные польские города отличились повышенными показателями голосования за Союз свободы.

Одновременно инновационные центры Польши (хотя и не все) в 1997 г. входили в число территорий, благоприятных для «Солидарности», ведущего правого движения, сыгравшего главную роль в свержении коммунистического режима. По причинам исторического характера бастионом «Солидарности» остался крупнейший в Польше портовый город Гданьск, место зарождения антикоммунистического движения и деятельности его лидера Л.Валенсы (здесь «Солидарность» получила более 50% голосов). Результат более 40% был получен «Солидарностью» во втором по величине польском городе Кракове, одной из исторических столиц Польши, где к тому же велико влияние католической церкви и по причинам историко-культурного характера силен традиционализм. Что касается других крупных центров, то более 30% голосов «Солидарность» получила в Варшаве, Вроцлаве и Катовице, опережая там другую популярную в инновационных центрах силу – праволиберальный Союз свободы.

² Например, в Мар-
тине и Трнаве не-
плохо выступила
центристская
партия «Третий
путь», набрав там
более 18% голосов.
Жилина – ведущий
центр на северо-
западе Словакии
оказалась совер-
шенно особым
городом с выра-
женной левонаци-
оналистической
ориентацией
(см. ниже).

Праволиберальный тип голосования в инновационных центрах, таким образом, характерен для посткоммунистических стран с западно-христианской культурой, составляющих северную половину ЦВЕ (особый случай Венгрии будет рассмотрен ниже). В посткоммунистических странах с православной культурой в инновационных центрах также отмечается ярко выраженное голосование за правые и правоцентристские партии. Некоторое отличие состоит в том, что для этих стран характерно формирование партий и предвыборных коалиций общедемократической направленности, противостоящие обычно весьма сильным левым партиям.

Ярким примером служит Румыния. Противостояние «демократического» инновационного центра и «левой» периферии проявлялось на всех президентских выборах в этой стране, приведя к характерным колебаниям маятника от одних выборов к другим. Первые и последовавшие вскоре за ними вторые президентские выборы в 1990 и 1992 гг. выиграл И.Илиеску, бывший высокопоставленный партийный деятель, позиционировавшийся левее центра и создавший позднее социал-демократическую партию. В 1996 г. он проиграл Э.КонстантINESКУ, университетскому профессору из Бухареста. В 2000 г. И.Илиеску взял реванш, но в 2004 г. его «преемник» А.Нэстасе уступил мэру Бухареста Т.Бэеску.

Бухарест был и остается ярко выраженным правоцентристским полюсом на электоральной карте Румынии. На выборах в Собрание депутатов в 2004 г. Альянс справедливости и правды (Демократическая и Национально-либеральная партии), набрав по стране в целом 31,5% голосов, добился своего наилучшего показателя в Бухаресте (47,6%). Ранее в 2000 г. правые действовали поодиночке, но тенденции были аналогичными. Например, Демократическая партия, получив по стране в целом 7% голосов, в Бухаресте набрала 10,8%.

Примечательно, что Бухарест, в отличие от Праги или Братиславы, не формирует вокруг себя зону электорального тяготения. В Румынии между центром и даже его ближайшим окружением прослеживается электоральный раскол, подчеркивающий большую контрастность и поляризацию румынского общества. Зато столичный тип голосования демонстрируют некоторые наиболее крупные субцентры Румынии. Среди них отчетливо выделяется Брашов, трансильванский город, расположенный недалеко от Бухареста и являющийся вторым по значимости промышленным центром страны. Именно в Брашове, также как и в Бухаресте, Альянс справедливости и правды получил свыше 40% голосов на выборах 2004 г. Также, как показали выборы 2004 г., к «правому полюсу» тяготеют другие ключевые центры Румынии – столица приморской Добруджи Констанца, столица румынского Баната на западе страны Тимишоара, еще один (наряду с Брашовым) крупный центр в Трансильвании – Сибиу. В эту группу попадает и Плоешти, расположенный непода-

леку от Бухареста мощный центр нефтепереработки и нефтехимии, являющийся своего рода промышленным спутником румынской столицы. Выше приведен практически полный список основных инновационных центров Румынии, за исключением ряда городов с особой электоральной ситуацией, вызванной особым этническим составом населения, а именно наличием венгерского меньшинства (Клуж-Напока, Тыргу-Муреш и др., подробнее см. ниже).

Аналогичная ситуация характерна и для Болгарии. София стала главным центром поддержки Союза демократических сил, который на протяжении всего посткоммунистического периода позиционируется как ведущий блок правой ориентации. Парламентские выборы 2001 г. интересны тем, что поддержка СДС к этому времени заметно упала – до 18,2%. При этом именно София в наибольшей степени сохранила верность СДС (в двух из трех софийских округов СДС получил свыше 30% голосов). Заметным влияние СДС оказалось и во втором по величине болгарском городе Пловдиве, столице исторической области Фракия (юго-восток Болгарии). Интересно, что, в отличие от Румынии, в Болгарии все-таки сложились зоны электорального тяготения поблизости от двух ведущих инновационных центров. СДС получил более 20% голосов в примыкающей к Софии юго-восточной части Болгарии (Кюстендил и Благоевград, т. е. Пиринская Македония). Наряду с Пловдивом СДС набрал более 25% голосов в расположенной южнее горной области Смолян, хотя там даже нет крупных городов.

Главным центром поддержки «демократических сил» в Сербии тоже является столичный центр – Белград. Хотя в последнее время уровень поддержки правоцентристов в Белграде не является самым высоким по стране, что объясняется влиянием на голосование этнокультурных расколов и формированием в Сербии значительной электоральной чересполосицы. Но все же на президентских выборах 2004 г. победитель – кандидат демократов Б.Тадич занял в первом туре в Белграде первое место, а во втором набрал 59,5% голосов по сравнению с 53,7% по стране в целом.

Раскол «центр – периферия» в Черногории выражен лучше, чем в Сербии, хотя тоже несколько размыт (в т. ч. потому, что столица страны Подгорица, спрятанный в глубине территории небольшой город, сам по себе не является столь мощным по черногорским меркам инновационным центром). В Черногории можно говорить о формировании южной, столично-приморской зоны повышенной поддержки демократов, которая в целом и играет роль инновационного центра. В эту зону наряду со столицей Подгорицей входят другой крупный центр в центральной (внутриконтинентальной) части страны – Никшич, а также ряд приморских городов – пляжно-туристическая Будва, Тиват с его международным аэропортом и др. Блоки прозападного премьер-министра М.Джукановича «Победа Черногории» (на выборах 2001 г.) и «Демократический список за европей-

скую Черногорию» (внеочередные выборы 2002 г.) именно здесь добивались наибольшего успеха.

Указанная тенденция достаточно характерна и для постсоветских государств. В наибольшей степени она выражена в Белоруссии и на Украине. В Белоруссии Минск является главным центром оппозиции президенту А.Лукашенко, которого на Западе принято считать «изгоем». На президентских выборах 2001 г. А.Лукашенко получил в Минске свой самый низкий процент голосов, пусть даже это были солидные 57,4%. Соответственно, своего наилучшего результата в столице Белоруссии добился оппозиционный кандидат В.Гончарик (30,5%).

Правоецентристская и праволиберальная ориентация отличает и Киев, где сложилась ситуация, заслуживающая более подробного разъяснения. Как известно, Киев остается по преимуществу русскоязычным городом, но при этом прозападная, инновационно-антикоммунистическая ориентация его электората выражена очень сильно, на контрасте с русскоязычными регионами Восточной Украины. Таким образом, «устремленный на Запад» Киев, наиболее крупная столица европейской части СНГ после Москвы, тоже соответствует наиболее распространенной модели электорального поведения инновационных центров в посткоммунистических странах. Самым ярким образом столица Украины продемонстрировала это на президентских выборах 2004 г., отдав свои голоса В.Ющенко, позиционировавшемуся в образе прозападного кандидата. Уже в первом туре В.Ющенко получил в Киеве 62,4% голосов (выше его показатели были только в шести западно-украинских областях), в «третьем туре»³ – 78,4%. Важно также отметить, что и Киев, и Минск в соответствии с моделью диффузии инноваций оказывают заметное влияние на голосование прилегающих областей. Например, в Минской области В.Гончарик набрал почти 15% голосов, что было для него неплохим показателем. Киевская область в первом туре украинских президентских выборов 2004 г. немного отстала от столицы (59,7% голосов за В.Ющенко), а в «третьем туре» опередила Киев с 82,7% голосов за В.Ющенко.

³ Под «третьим туром» подразумевается переголосование второго тура.

В то же время не следует считать, что модель праволиберального голосования в инновационных центрах посткоммунистических государствах является единственно возможной и общераспространенной:

- Во-первых, потому, что конкретная политическая ситуация может отличаться от государства к государству, также как отличаются политические платформы и имидж «правых» и «левых».
- Во-вторых, поддержка правых как инновационный феномен в этих странах задана новейшей политической историей и не вполне соответствует моделям голосования инновационных центров на Западе.

Поэтому с течением времени в Центральной и Восточной Европе, возможно, будут наблюдаться процессы полевения инновационных центров.

Особая ситуация уже складывается в тех странах, где правое движение получило слишком явное националистическое содержание. В этом случае возникает характерная развилка. В государстве по преимуществу моноэтническом инновационные центры скорее дистанцируются от национализма, который препятствует их европейской интеграции, и уходят влево. Но возможна ситуация, когда для инновационных центров характерен смешанный этнический состав населения, что вызывает известный и в Западной Европе эффект внутренней поляризации локального сообщества и, наоборот, ведет к развитию «столичного» национализма, направленного против живущих буквально по соседству «инородцев».

Большой интерес в этой связи представляет география голосований в Хорватии. Здесь ведущее правое движение в лице Хорватского демократического содружества изначально имело ярко выраженную националистическую составляющую. На определенном этапе это стало вызывать проблемы с интеграцией Хорватии в Европу (известные трения первого президента Хорватии Ф.Туджмана, фактического лидера ХДС с европейским сообществом). Хорватский национализм с географической точки зрения стал типичным и ярко выраженным фронтирным национализмом, характерным как раз для периферий, причем для периферий, примыкающих к зонам этноконфессиональных конфликтов. В процессе внутристрановой поляризации столичный ареал в конечном итоге стал склоняться к тем политическим силам, которые выступают с более умеренных позиций и потому имеют лучшие перспективы, чтобы вписаться в европейский формат. В итоге для Загреба и его окружения стал характерен леволиберальный тип голосования, напоминающий голосования во многих западноевропейских столицах. Возникла «хорватская инверсия», отличающая географию голосований в Хорватии от большинства стран Центральной и Восточной Европы.

«Хорватская инверсия» ярко проявилась на парламентских выборах 2000 г., когда Социал-демократическая партия выступала в альянсе с Хорватской социально-либеральной партией, символизируя тем самым леволиберальный блок. Социал-демократы, набрав по стране 26,9%, получили в Загребе показатели свыше 40–50% голосов. В том округе Загреба, где был выставлен список их союзников – социал-либералов, аналогичного результата добились они. Столь же активно за социал-демократов голосовали в прилегающих к Загребу районах Хорватии (Вараждин, Карловац и др.). В 2003 г., выступая уже раздельно с социал-либералами, социал-демократы вновь отличились в Загребе (почти 30% голосов), а также в расположенном неподалеку крупном промышленном центре Сисак (более 25% голосов). В целом в Хорватии сложилось ориентированное на

левых и либералов столичное ядро, расположенное как раз в ядре формирования хорватской нации (Загреб и т. н. Загорье, т. е. западные и северо-западные районы страны вдоль границы со Словенией).

«Хорватская инверсия» сохранилась и на президентских выборах 2005 г. Их особенностью стало выдвижение действующего президента С.Месича от социал-демократов и еще ряда партий, в то время как на выборах 2000 г. блок социал-демократов и социал-либералов представлял его соперник Д.Будиша (в 2005 г. социал-демократы объединились с С.Месичем, а их блок с социал-либералами распался). Уже в первом туре С.Месич набрал свыше 60% голосов в Вараждинской и Меджимурской жупаниях, т. е. в районах к северу от Загреба⁴. Во втором туре его результат в этих жупаниях превысил 80%.

⁴ В самом Загребе и его ближайшем окружении значительную часть голосов – свыше 20% – набрал независимый кандидат, представитель хорватской диаспоры в США
Б. Микишич.

Анализируя результаты выборов в постсоветском пространстве, тоже нельзя не обратить внимания на различные модели поведения столичных центров. Общераспространенной тенденции к праволиберальному голосованию соответствуют, прежде всего, Киев и Минск. Но в столицах стран Балтии и Молдовы отмечается несколько иная ситуация. Здесь в частности ярче проявляется националистическая тенденция, усиленная внутригородской этнокультурной поляризацией, т. е. присутствием национальных меньшинств и, прежде всего, русских. Но в то же время и по тем же причинам (но с обратным знаком) проявляется и «космополитический» тип голосования взаимно адаптированных сегментов государствообразующего этноса и славян за более умеренные, центристские и даже левоцентристские партии. При наличии либеральных партий они тоже получают здесь заметную поддержку в соответствии с уже общемировыми закономерностями.

Целесообразно обратить внимание на особенности электорального поведения постсоветских столиц, полностью или частично соответствующие «хорватской инверсии». Ведь в постсоветском пространстве правое движение развивалось одновременно и как движение в значительной степени националистическое, не везде еще произошла его дифференциация на более умеренные и более радикальные варианты.

Например, в Таллинне формируется смешанная электоральная культура. Здесь на выборах хорошо голосуют за «классических» эстонских националистов из Союза Отечества «Исамаа». На более успешных для себя выборах 1999 г. они получили в разных районах Таллинна более 18–20% голосов (по стране – 16,1%). Это объясняется эффектом внутригородской поляризации, взаимным отталкиванием русскоязычного и наиболее радикально настроенного эстонского населения. Одновременно для Таллинна (а также для окружающего мааконда Харью) характерно голосование за столично-либеральную Партию реформ. Также в эстонской столице пользуется повышенной популярностью умеренная Партия центра, которая отлича-

ется наибольшей толерантностью по отношению к русскоязычному меньшинству. На выборах 2003 г. Партия центра получила около 30% голосов на основной части территории Таллинна (по стране в целом – 25,4%).

В Литве столичное голосование тоже тяготеет к правому полюсу. Но при этом «вторая столица» Литвы Каунас выглядит существенно более правым и националистически настроенным городом, чем более космополитичный и (по литовским меркам) многонациональный Вильнюс⁵. Хотя в целом, конечно, правый уклон Вильнюса преобладает, и Вильнюс соответствует характерным для ЦВЕ электорально-географическим закономерностям. Так, на президентских выборах 2003 г. позиционировавшийся в образе прозападного кандидата бывший президент В.Адамкус выиграл во втором туре в Вильнюсе, набрав там в первом туре более 35% голосов⁶. Союз Отечества, ведущая правоконсервативная партия Литвы во главе с признанным лидером национального движения В.Ландсбергисом, успешно выступил в Вильнюсе на парламентских выборах того же года⁷.

В то же время «вторые столицы» – Каунас в Литве и Тарту в Эстонии, города моноэтнические, выглядят заметно более правыми и консервативными по сравнению с Вильнюсом и Таллинном. Каунас и прилегающий район являются просто главным оплотом литовских консерваторов. Достаточно сказать, что на президентских выборах 2003 г. В.Адамкус только в Каунасе и Каунасском районе получил более 40% голосов уже в первом туре, набрав там во втором туре почти 70%. В Эстонии именно в Тарту своих наилучших показателей добиваются и либеральная Партия реформ (28,2% в 2003 г., 26,4% в 1999 г.)⁸, и националисты из «Исамаа», тогда как дистанцированная от национализма Партия центра выступает здесь слабо.

В целом, впрочем, праволиберальный тип голосования можно признать характерным и для Таллинна, и для Вильнюса, не говоря уже о «конкурентных столицах» Тарту и Каунасе. Зато в Риге и Кишиневе более развитым оказывается левый уклон, отчасти напоминающий ситуацию в Загребе. Очевидно, это связано с формированием здесь более толерантной этнокультурной среды, в значительной мере русскоязычной до сих пор⁹. В Риге вообще сложилась уникальная ситуация, когда латыши численно уступают русским (но при этом основная часть русских не является избирателями, не имея гражданства). Особенностью Риги стало формирование здесь левоцентристского движения «За права человека в единой Латвии» («ЗаПЧЕЛ»), пользующегося поддержкой как русского, так и более умеренной части латышского населения. На парламентских выборах 2002 г. в Риге движение «ЗаПЧЕЛ» получило 30,1% голосов. Напротив, правые и правоцентристские партии, ориентированные на более консервативное латышское население, добиваются наилучших своих показателей на периферии (где в частности проявляется феномен периферийного национализма). Второе место на выборах

⁵ Надо помнить, что в Литве, в отличие от Эстонии и Латвии, меньшинства (в лице прежде всего русских и поляков) легче могли получить гражданство. Очевидно, что они не голосуют за правых и националистов.

⁶ Выборы 2003 г. в Литве воспринимались как «тестовые», поскольку В.Адамкус позиционировался как явно прозападный и правый кандидат, которому противостоит бывший премьер-министр К.Прунскене, позиционированная левее центра (и потому обвиваемая правыми в пророссийских и чуть ли не прокоммунистических взглядах).

⁷ Либеральную тенденцию в Вильнюсе на выборах 2003 г. обозначил Либерально-центристский союз, созданный мэром города и завоевавший немало голосов в литовской столице (в одном из округов – более 20%).

⁸ Все-таки Тарту является мощным университетским центром, когда-то – российско-советского масштаба.

⁹ Хотя в Киеве и Минске русскоязычие не помешало развитию праволиберальной тенденции. Поэтому можно говорить о «лево-правой» бифуркации постсоветских столиц.

причины которой заслуживают дополнительного исследования. В первом приближении они, видимо, связаны с отсутствием в Латвии и Молдове правоцентристских и либеральных движений, ориентированных на крупногородской электорат. В Эстонии эту нишу эффективно заняли Партия центра и Партия реформ.

2002 г. в Риге заняла одна из них – правоцентристская партия «Новая эра» (25,9%), пользующаяся в латвийской столице примерно такой же поддержкой, как и в районах (за вычетом совершенно особого латвийского юго-востока, см. ниже). Националисты из партии «Отечеству и Свободе» получили только 5,7% голосов, гораздо меньше, чем «Исамаа» в Таллинне. Хотя всплески национализма в Риге тоже вполне возможны. На выборах в Европарламент партия «Отечеству и Свободе» получила здесь 27,5% голосов (правда, в условиях низкой явки), опередив «Новую эру» и «ЗаПЧЕЛ». Рост националистических настроений в Риге подтвердили и муниципальные выборы 2005 г.

Некоторые аналогии можно найти и в Кишиневе. С одной стороны молдавская столица является одной из главных баз для прорумынских националистов-унионистов, которые имеют здесь устойчивый электорат (в 2005 г. Христианско-демократическая народная партия получила в Кишиневе почти 15% голосов, в 2001 г. – более 10%, в 1999 г. его предшественник – Христианско-демократический народный фронт – 12,7%¹⁰). Этим Кишинев напоминает Таллинн и Вильнюс. При этом в Молдове не возникла пока более умеренная, праволиберальная партия, которая могла бы ассоциироваться с «европейским трендом» (что-то типа эстонской Партии центра или латвийской «Новой эры»). Молдавские центристы до сих пор ориентировались в основном на сельский электорат (многие их представители имеют типичное советское сельско-номенклатурное происхождение). В городе, как результат, возникла резкая поляризация по линии «националисты – коммунисты». Поэтому с другой стороны левые, представленные в Молдове коммунистами (Партия коммунистов Республики Молдова), добиваются в Кишиневе успехов, особенно если сравнивать с голосованием за левых (не говоря уже про коммунистов) в других столицах Центральной и Восточной Европы. Так, на выборах 2001 г., в целом принесших ПКРМ фантастический успех, коммунисты набрали в Кишиневе 47% голосов (по стране в целом – 50,1%). Этот факт уже позволяет проводить сравнение Кишинева с Ригой. Впрочем, все-таки медленный процесс формирования в Молдове правоцентристского и притом не националистически настроенного движения привел к потере коммунистами голосов в Кишиневе на выборах 2005 г. в пользу блока «Демократическая Молдова», позиции которого были подкреплены тем, что его возглавил мэр Кишинева С.Урекяну. В 2005 г. кишиневский электорат раскололся на две с половиной части – между левыми (ПКРМ с 38%), правоцентристами («Демократическая Молдова» с 31%) и националистами (ХДНП с 14,9%)¹¹.

Особая ситуация сложилась и в Ереване, поскольку в Армении, как и в Молдове, политический спектр неустойчив и далек от европейских стандартов. Как будет показано ниже, поддержка правых и националистических движений в Армении, как и в Хорватии, ушла

¹⁰ Во всех случаях это были лучшие результаты этого движения по регионам Молдовы.

¹¹ Важно отметить, что левые на этих выборах сумели удержать относительное лидерство в Кишиневе, эффективно используя лозунги евроинтеграции. Напротив, правоцентристы из «Демократической Молдовы» плохо вписались в эту, казалось бы наиболее перспективную для них нишу, получив вместо этого статус пророссийской силы.

на фронтиры. Соответственно, столица государства стала оплотом оппозиции, позиционированной левее центра (президент Р.Кочарян представляет правых). На президентских выборах 1998 г. бывший партийный руководитель Армении К.Демирчян получил в Ереване в первом туре почти 40% голосов. Его сын С.Демирчян в 2003 г. также отличился в Ереване. Созданный им «Блок справедливости» на парламентских выборах 2003 г. опять добился наилучшего результата в Ереване (более 20% голосов). В то же время надо отметить, что в Армении говорить о правых и левых (и тем более о левой ориентации Еревана) можно с большой долей условности. Например, лидер армянских коммунистов С.Бадалян, участвуя в президентских выборах 1998 г., как раз в Ереване выступил откровенно плохо («ностальгические» голоса ушли к К.Демирчяну). Тем не менее, тенденция некоторой левизны закавказских столиц на фоне периферий налицо. Она, кстати, подтверждается голосованием в Тбилиси: на последних парламентских выборах 2004 г. именно в грузинской столице лейбористы (стремящиеся соответствовать образу европейских социал-демократов) выступили лучше, чем в регионах.

Кроме того, не прослеживается праволиберальный уклон в таких столицах Юго-Восточной Европы, как Скопье и Тирана. В Македонии и Албании правые популярны на части периферии, сильных либеральных партий нет, и поведение столиц позволяет говорить о следах «хорватской инверсии». На президентских выборах в Македонии в 2004 г. в Скопье уверенно выиграл социал-демократ Б.Црвенковски, в итоге ставший президентом. В Тиране на парламентских выборах 2001 г. социалисты в трех округах получили свыше 50% голосов (правый «Союз за победу» набрал более половины голосов только в одном округе албанской столицы и в университетском городке).

Наконец, отдельного рассмотрения заслуживает Будапешт, один из крупнейших городов Центральной и Восточной Европы, претендующий на роль ведущего, узлового центра всего региона. Для венгерской столицы характерна смешанная электоральная культура с заметным левым уклоном. Тем самым Будапешт как бы стремится соответствовать европейским стандартам электоральной географии, напоминая, например, о голосованиях в соседней Вене, известном оплоте социал-демократов. На парламентских выборах 2002 г. по пропорциональной системе Социалистическая партия набрала в Будапеште 44,1% голосов. Это был не самый лучший результат социалистов по регионам, но близкий к тому (максимальный показатель – 49,3%) и безусловно очень солидный для столь крупного города. Еще примечательнее тот факт, что ведущее правое движение – блок «Союз молодых демократов – Демократический форум» именно в Будапеште получил свой наименьший результат по стране – 31,6%. Можно сделать вывод о том, что поддержка правых уже не считается в Венгрии залогом успешной европейской интеграции,

¹² Если проводить аналогии с Кишиневом, то в Молдове правоцентристы пока не сумели доказать свою эффективность в вопросах евроинтеграции, а левые, пусть не соответствуя европейским стандартам, уже успели удовлетворить соответствующие ожидания части крупногородского электората.

¹³ См. польский Союз свободы, эстонскую Партию реформ и т. п.

¹⁴ В отличие от Хорватии в Венгрии левая ориентация столицы вызывает не поляризацию территории в свя-

а левые эффективно трансформировались, соответствуя европейским стандартам и ожиданиям крупногородского электората¹².

При этом Будапешт вполне соответствует другим типичным параметрам ведущего инновационного центра страны. Некоторые венгерские партии имеют типично «столичный» характер, пользуются самой высокой поддержкой именно в Будапеште. Это, например, Союз свободных демократов, близкий к идеальному типу столично-либерального голосования¹³ (результаты в Будапеште на выборах 1998 и 2002 гг. вокруг 10%). Именно в Будапеште хорошо представлена и националистическая Партия справедливости и жизни (в 2002 г. набрала по городу 7%, в 1998 г. – 8,8%)¹⁴. «Будапештской» на выборах 2002 г. оказалась и Центристская партия (5,7% по городу).

Таким образом, тенденция к устойчивому полеванию инновационных центров ЦВЕ вполне возможна, и пример ведущего такого центра – Будапешта об этом свидетельствует. Но остальные инновационные центры, такие как Прага, например, еще не подошли к этому этапу. Что касается некоторых постсоветских и балканских столиц, то там поддержка левых часто является реакцией на развитие периферийного (с географической точки зрения) национализма, который воспринимается в столицах как тупиковый путь.

Периферии ЦВЕ: левоцентризм и фронтальный национализм

зи с развитием фронтального (периферийного) национализма, а явными причинами.

Определив, что наиболее характерным для инновационных центров ЦВЕ является праволиберальный тип голосования (возможно, пока), логично предположить, что голосование периферий более благоприятно для левых. Но, как показывает анализ, периферии в рассматриваемых странах обычно расколоты по историко-культурным признакам. Поэтому говорить о консолидированном голосовании периферий за левых можно в небольшом числе наиболее простых случаев тех стран, где этнокультурные расколы не играют главенствующую роль.

¹⁵ Следует сделать важное допущение в связи с употреблением понятия «левые» для стран ЦВЕ. В большинстве случаев речь идет о реформируемых или совершенно новых левых и левоцентристских партиях, стремящихся адаптировать свою идеологию к европейским реалиям. Но пока этот процесс развивается, инновационные

Например, раскол «праволиберальный центр – левоцентристская периферия»¹⁵ типичен для Словакии. Левее центра здесь позиционировано Движение за демократическую Словакию бывшего премьер-министра В.Мечьяра. Как показали, например, президентские выборы 1999 г. и парламентские выборы 2002 г., В.Мечьяр пользуется наибольшей поддержкой в сельских и мелкогородских зонах, особенно в северной и восточной частях страны (на юго-западе расположена Братислава, оплот СХДД). Главным оплотом ДЗДС стали районы на северо-западе страны, примыкающие к Жилине. Самым ярким примером является расположенная на границе с Чехией Чадца. Здесь во втором туре президентских выборов 1999 г. В.Мечьяр получил 80,6% голосов (в целом по стране проиграв выборы), а в 2002 г. его ДЗДС набрало 41,3% (по стране – только 19,5%)¹⁶. Почти столь же высокие показатели были получены и в близлежащих райо-

центры все-таки как правило предпочитают правых и либералов. Соответственно, феномен «левой периферии» все-таки отражает ее консерватизм в нынешних политико-исторических координатах.

¹⁶ В 1998 г. ДЗДС получило в Чадце более 50% голосов при 27% по стране в целом.

¹⁷ К которым, кстати, добавились и некоторые более крупные города в центрально-восточной, горной части Словакии, а именно Банска-Бистрица и Зволен.

нах, а также в некоторых районах в центре и на востоке Словакии. Для сравнения: на парламентских выборах 2002 г. по Братиславе ДЗДС получило 10–15% голосов, а в Кошице и вовсе менее 10%.

Отдельного внимания заслуживает голосование в Словакии за коммунистов. В этом случае самым ярким образом проявился феномен повышенного голосования за радикальных левых именно на восточной периферии Словакии, расположенной неподалеку от украинской границы. В 2002 г., набрав в целом по стране 6,3%, коммунисты завоевали максимум – 24,9% в Медзилаборце, городке на границе с Польшей на крайнем северо-востоке страны. Показатели свыше 10% были получены еще в целом ряде небольших центров в горных (Татры) и равнинных районах на севере и востоке Словакии. Похожая география голосования была характерна для выступавшей на выборах 1998 г. Партии левых демократов (результаты свыше 20% в примерно тех же районах¹⁷). Наряду с Медзилаборце радикально-левой ориентацией отличается Липтовски-Микулаш, городок в словацких Татрах.

Левоцентристская периферия хорошо выражена и в Черногории, где выборы обычно проходят по биполярной модели. Противостоящие М.Джукановичу блоки добиваются наибольшего успеха в северной, горной части республики, примыкающей к Сербии. Особенно выделяется горная община Плужине, где своих наилучших показателей добивались блоки «За Югославию» (в 2001 г.) и «Вместе за перемены» (в 2002 г.). В целом более половины голосов блок «За Югославию» получил в 2001 г. именно в северных общинах Плужине, Андриевца, Плевля, Жабляк, Мойковац, Шавник, Колашин и Беране (по стране в целом он набрал 40,9%).

В других посткоммунистических странах, отличающихся более сложной историко-географической структурой, прослеживается более или менее выраженное деление периферий на «левые» и «правые». Это делает электоральную географию ЦВЕ похожей на электоральную географию Западной Европы, где распространен раскол периферии на «левую» и «правую» части.

Закономерности, связанные с формированием в ЦВЕ все-таки преимущественно левых периферий, можно выявить еще в целом ряде случаев. Например, в Чехии с ее ярко выраженной «правой» столицей социал-демократы пользуются повышенной популярностью на значительной части полупериферии и периферии. Так, на выборах 2002 г. результат выше среднего был получен социал-демократами на значительной части Моравии – восточной половины Чешской республики со своей историко-культурной идентичностью. Наряду с Моравией за социал-демократов неплохо голосовали и в ряде западных районов – Среднечешском, Южночешском, Пльзеньском, где сложилась смешанная лево-правая электоральная культура. Румыния служит ярким примером голосования за левых на практически всей территории Валахии и Молдовы (т. е. южных и

¹⁸ На выборах 2001 г. «Коалиция за Болгарию» во главе с Социалистической партией добилась наибольшего успеха в северо-западной части Болгарии, отделенной от Сoфии рассекающим всю страну хребтом Стара-Планина. Максимальные показатели – свыше 25% были получены в расположенных здесь регионах Видин (северо-западная окраина страны на границе с Румынией и Сербией) и Враца. Немного ниже их показатели были в регионах Плевен (один из наиболее крупных городов Болгарии), Ловеч и Монтана. Кстати, именно в этой части страны в первой половине XX века активно действовали болгарские коммунисты. Еще одной зоной повышенной поддержки левых в Болгарии является восточная часть Фригии, т. е. внутренний юго-восток страны (Стара-Загора и Ямбол).

восточных областей), за вычетом Бухареста. В Болгарии левый тип голосования особенно характерен для северо-западной периферии¹⁸, в Албании – для южной. В то же время в Венгрии, например, феномен «левой» периферии размыт уже одним фактом заметного левого уклона в Будапеште. В Сербии после краха социалистов С.Милошевича южная периферия переключилась на поддержку националистов из Сербской радикальной партии в соответствии с логикой фронтального национализма.

Феномен «правой» периферии, типичный для многих западноевропейских государств, в ЦВЕ не получил пока значительного развития. Он более характерен для стран с западно-христианской культурой, где партии христианско-демократической и традиционалистской направленности стали укрепляться в сельской и мелкогородской среде, сохранившей в значительной степени свои старые традиции в годы коммунистического правления. Примером может служить консервативно-католическая Словения, в особенности ее восточные регионы (бывшая австрийская Штирия). Так, на выборах 2000 г. правая Словенская народная партия набрала более 20% голосов в семи общинах (а также в одном из районов Марибора), известных своим консерватизмом. Некоторые из этих общин имеют глубокие религиозные традиции, являются местами паломничества. Восточные и юго-восточные «глубинные» (удаленные от моря и столицы) районы Словении благоприятствовали этой партии и на выборах 2004 г. Христианская народная партия «Новая Словения» получила в 2000 г. более 20% голосов в одном из округов расположенного к северу от Любляны городка Шкофья-Лока, одного из исторических городов Словении, бывшей епископской столицы. В консервативной общине Ормож на востоке страны Словенская народная партия получила в 2000 г. более 20%, и еще свыше 15% голосов набрала «Новая Словения». В 2004 г. «Новая Словения» опять пользовалась наибольшей популярностью на востоке Словении.

В Чехии и Словакии также можно обратить внимание на хорошие результаты христианских демократов на периферии. В Чехии на выборах 2002 г. коалиция во главе с христианскими демократами успешно выступила как в Праге (18,5% голосов, следствие вторичной посткоммунистической диффузии инноваций в виде национально-возрожденческой тенденции, имеющей и религиозную составляющую), так и в периферийных районах на востоке Богемии и в Моравии. Так, почти 20% голосов было получено в Злинском регионе, в Моравии на границе со Словакией. Более 15% голосов христианские демократы получили еще в двух регионах Моравии (Южно-Моравский и Височина), а также в Пардубицком регионе, т. е. на востоке Богемии. Похожая ситуация была и на выборах 1998 г., когда христианским демократам относительно благоприятствовали Южная Моравия и Восточная Чехия. В Словакии Христианско-демократический союз (выступающий на выборах отдельно от Словацко-

го христианско-демократического движения) является типичной партией «правой» периферии, пользуясь повышенной поддержкой у традиционалистски настроенного населения в горных районах на севере и востоке страны. При результате 8,3% по стране в целом максимум был достигнут в Наместово (23,6%), окраинном районе на польской границе. От 15 до 20% избирателей отдали голоса ХДС в некоторых северо-восточных районах, включая и заметный центр Прешов. Правые тенденции достаточно заметны на перифериях Венгрии, хотя в целом для нее характерна довольно мозаичная география. Заметим, что ранее на венгерских перифериях пользовалась Независимая партия мелких хозяйев, политический проект, специально рассчитанный на формирующийся на периферии класс мелких частных собственников. На Балканах заметное распространение получил несколько иной феномен – периферийного (фронтирного) национализма.

Анализируя характерные для ряда стран электоральные инверсии, связанные с появлением «правых» периферий, следует точнее определить такое явление, как фронтирный, или периферийный, национализм. Фронтирный национализм возникает на перифериях, расположенных на стыке с зонами этноконфессиональных конфликтов или государствами, воспринимаемых в качестве враждебных. Данное явление получило наибольшее распространение на Балканах. В Хорватии правонационалистическое ХДС пользуется наибольшей поддержкой в районах, расположенных по периметру границы с Сербией и Боснией и Герцеговиной. В терминах хорватской географии это – Далмация на Юге и Славония на Востоке страны.

Особый интерес вызывает электоральная ситуация на хорватско-сербской границе. С хорватской стороны здесь находится Вуковар, своеобразный символ балканской войны, воспринимаемый хорватами как «город-герой». На выборах 2000 г. в Вуковарском регионе ХДС получило свыше 30% голосов, что стало одним из лучших его результатов. В 2003 г. голосованием за ХДС отличился расположенный рядом Славонски-Брод, граничащий с Сербией и Боснией (более 40% голосов). На президентских выборах 2005 г. кандидат ХДС Я.Косор сумела набрать в Вуковарско-Сремской и Бродско-Посавинской жупаниях на восточной окраине Хорватии более 25% голосов в первом туре (по стране в целом она получила 20,3%). С другой стороны границы расположены сербские регионы, в которых в последние годы отмечаются высокие показатели голосования за Сербскую радикальную партию, наиболее яркую и популярную представительницу сербских националистов. Так, в первом туре состоявшихся президентских выборов 2003 г. кандидат СРП Т.Николич завоевал более 40% голосов в приграничных общинах Шид, Сремска-Митровица, Мали-Зворник, а также в близлежащем городе Врбас. Таким образом, сербский северо-западный фронтир также продемонстрировал свое тяготение к националистам.

Возвращаясь к Хорватии, заметим, что наряду с восточными районами Славонии повышенная популярность ХДС отмечается в Далмации. Этот регион мог бы считаться открытым к внешнему миру приморским ареалом, к тому же географически обособленным и со своей собственной идентичностью (ниже см. пример такого хорватского региона – Истрию). Однако фактор войны, непосредственное соседство с Герцеговиной сделали Далмацию опорой ХДС¹⁹. Интересно, что наибольшей поддержкой Я.Косор на президентских выборах 2005 г. отличились те южные регионы Хорватии, которые ранее входили в т. н. Сербскую Краину, и где преобладало сербское население (вынужденное покинуть территорию после разгрома Краины хорватской армией). Это – северная часть Далмации (Шибеникско-Книнская жупания) и примыкающая к ней с севера Лика (Ликско-Сеньская жупания), где Я.Косор получила свыше 30% голосов. Во втором туре Я.Косор выиграла в одном-единственном регионе Хорватии, которым оказалась Шибеникско-Книнская жупания. Результат свыше 40% был получен ей в двух оставшихся жупаниях Далмации, а также в расположенных между Далмацией и центральным Загребским регионом Ликско-Сеньской и Карловацкой жупаниях.

В Сербии феномен фронтального национализма особенно развит в Косово. Оставшееся здесь сербское население самым активным образом поддерживает националистов. Так, на неудачных для себя парламентских выборах 2000 г. радикалы тем не менее взяли более 20% голосов в косовских общинах Печ и Косовска-Митровица, а также, подтверждая тенденцию фронтального голосования, – более 15% в Среме (юго-запад Воеводины на границе с Хорватией). Ранее косовские сербы активно поддерживали социалистов С.Милошевича, также выступавших с националистических позиций (в 2000 г. именно в Косово они получили свои наилучшие результаты – 36,6% в целом по региону и 55% в общине Печ²⁰). Но на фоне резкого снижения популярности социалистов в сербских условиях их электорально-географическую нишу заняли националисты. Это показали президентские выборы 2003 и 2004 гг. и география голосований за кандидата СРП Т.Николича. Наряду с Косово сербы активно голосовали за националиста практически на всем Юге страны, т. е. почти на всей территории к югу, юго-западу и западу от Белграда, в частности вблизи от косовской, боснийской и хорватской границ. Тем самым электоральная география Сербии и Хорватии стала подобной, поскольку и там, и там периферия превратилась в оплот националистов²¹.

Закономерно, что фронтальный национализм получает свое распространение не только на Балканах, но и в Закавказье. Ярким примером служит Армения. Самой активной поддержкой правых здесь отличается южный регион (марз) Сюник, зажатый между Карабахом и Нахичеванью. Здесь на президентских выборах особенно активно

¹⁹ *Через границу, в Боснии и Герцеговине также преобладает хорватское население, которое по понятным причинам настроено еще более националистически. Интересно отметить, что лидер хорватских усташей времен Второй мировой войны А.Павелич был уроженцем Герцеговины.*

²⁰ *В Пече расположен, пожалуй, самый знаменитый центр сербского православия – Печская патриархия.*

²¹ *Проследившая всплески национализма по обе стороны от фронта, можно обратить внимание и на отчетливо выраженные голосо-*

вание за правых в северной части Албании, примыкающей к Косово. Впрочем, правая ориентация северной Албании имеет еще и свои историко-культурные основания, связанные с расколом страны на две части (см. ниже).

голосовали за Р.Кочаряна, политика правой ориентации. Уже в первом туре в 1998 г. он получил здесь более 55%, а в 2003 г. – 68,1%. В целом на первых своих выборах 1998 г. Р.Кочарян уверенно лидировал в южных и юго-западных регионах Армении, граничащих с Азербайджаном (Сюник, Вайоцзор, Арарат). На парламентских выборах 2003 г. поддерживающая Р.Кочаряна Республиканская партия завоевала в марзе Сюник более 40% голосов (по стране в целом – 23,5%).

Высокие показатели поддержки правых и националистов характерны в Армении и для регионов, прилегающих к турецкой границе. Так, «историческая» армянская партия левонационалистической ориентации «Дашнакцутюн» лучше всего выступила в марзе Арарат (более 20% голосов в сравнении с 11,35% по стране в целом), который граничит с Нахичеванью (Азербайджан) и Турцией. Марз Арарат активно поддерживал Р.Кочаряна на выборах 1998 и 2003 г. Показателен и расположенный на границе с Турцией марз Армавир. На парламентских выборах он стал вторым по степени благоприятности для Республиканской партии, а на президентских всегда входил в число самых благоприятных для Р.Кочаряна. Еще один приграничный регион Ширак (с крупным центром Гюмри) не выглядит настолько правым (что объясняется большим спектром электоральных ориентаций в Гюмри – одном из ключевых субцентров Армении). Однако на последних президентских выборах Р.Кочарян получил уже в первом туре более 55% голосов здесь, а также в расположенном восточнее другом ключевом субцентре Армении – Ванадзоре (марз Лори)²².

В более спокойной северной половине ЦВЕ фронтальный национализм все-таки можно обнаружить на восточной и особенно юго-восточной границе Польши. Правые в лице «Солидарности» именно на Востоке Польши пользуются наибольшей поддержкой. Хотя это положение связано не только и, возможно, не столько с развитием националистических настроений на границе с Белоруссией и Украиной. Более важной причиной является историко-культурный раскол между Западом и Востоком Польши, в результате которого Восток оказался «правым», а Запад – «левым» (см. ниже). Так, на восточных границах Словакии и Венгрии никакого фронтального национализма нет, и говорить о каком-то принципиальном отторжении восточных соседей-славян не приходится. Наоборот, приграничные районы Словакии вообще характеризуются повышенной поддержкой коммунистов, демонстрируя свою «восточную периферийность» в виде ностальгического «левого консерватизма». В Венгрии граничащая с Украиной область Сабольч-Сатмар-Берег также не отличается сколько-нибудь выраженными правонационалистическими ориентациями. Даже напротив, в Словакии центром националистических настроений является северо-западный регион (Жилина и окрестности), граничащий с Чехией²³. На выборах 1998 г. национали-

²² В 1998 г. Лори, наоборот, был среди регионов, самых благоприятных для К.Демирчяна.

²³ Там же отмечалась высокая популярность В.Мечьяра.

стическая Словацкая народная партия получила в довольно крупном по словацким меркам городе Жилина и близлежащем районе Кисуцке-Ново-Место более 20% голосов (при 9,1% по стране в целом). В 2002 г. отколовшаяся от нее Правая словацкая народная партия добилась именно в Жилине своего наилучшего результата (16,85%).

В целом, анализируя ситуацию на наиболее ярко выраженных историко-культурных границах, следует отметить, что наряду с фронтальным национализмом определяются и противоположные случаи «тихих границ», «левоцентристского пограничья». Фронтальный национализм реально развит на Балканах, которые еще не отошли от войны и ее последствий, где образы «врагов» живы и вполне конкретны. Напротив, границы с Россией, Белоруссией, Украиной выглядят вполне спокойными. Их соседи повернуты к этим странам своими тылами, для которых характерен периферийный феномен «левого консерватизма», и не просматриваются столь резкие «анти-восточные» настроения. На Украине и в Белоруссии восточные приграничные регионы самым активным образом поддерживают интеграционные идеи и отличаются поддержкой левых сил. На восточных границах Эстонии и Латвии речи о постсоветской интеграции, конечно, не идет. Однако говорить о повышенной популярности националистических движений там тоже нельзя. То же относится к восточным границам Словакии, Венгрии и Румынии. Исключение составляет только Польша.

Электорально-географическая поляризация и сегментация стран ЦВЕ имеет, таким образом, более сложный характер, чем противостояние праволиберальных инновационных центров левоцентристским (и даже прокоммунистическим) перифериям. В ряде случаев можно говорить о развитии специфически полупериферийных политических сил, занимающих нишу между центрами и перифериями. В особых обстоятельствах такие движения могут получать большую поддержку и даже выигрывать выборы, проникая и в центры, и на периферии.

Наиболее ярким примером мощного развития полупериферийной политической силы являются парламентские выборы в Болгарии в 2001 г. Многолетнее противостояние демократов и социалистов (каждых со своей типичной географией поддержки) к тому времени усилило негативное отношение граждан к тем и другим, особенно в отсутствие заметных перемен к лучшему в экономике. Результатом стал сенсационный прорыв новой, «третьей» силы – Национального движения «Симеон Второй» во главе с бывшим наследником болгарского престола. Набрав по стране в целом 42,7% голосов, это движение особенно успешно выступило в основных субцентрах Болгарии и прилегающих ареалах. Так, если в Софии электорат СДС оказался более устойчивым, то в прилегающем Софийском округе и близлежащем промышленном Пернике движение получило более

²⁴ Также более 45% голосов оно набрало в соседнем Кюстендиле.

²⁵ Велико-Тырново и Габрово находятся к востоку от главного болгарского «красного пояса» – северо-западной периферии (Плевен, Видин и др.).

²⁶ На выборах 1998 и 2002 гг. результаты выборов в Чехии были официально представлены в привязке к разным региональным сеткам, а потому сопоставимы с оговорками.

²⁷ В первом КПЧМ получила 25,1% голосов, во втором – 22%.

половины голосов²⁴. Аналогичные результаты были получены на севере страны – в бывшей болгарской столице Велико-Тырново и соседнем Габрово²⁵. Более 45% голосов Национальное движение «Симеон Второй» набрало в центре Фракии, втором по величине болгарском городе Пловдиве и в одном из двух главных приморских центров Болгарии – Варне. Наряду с Пловдивом за это движение хорошо голосовали другие области Фракии – Хасково и Ямбол (исключение в Фракии составила более «левая» Стара-Загора, а в Ямболе хорошо выступили и «Симеон Второй», и социалисты).

В заключение темы следует обратить внимание на особенности голосований в старопромышленных ареалах, представленных в ряде стран ЦВЕ. Наибольшего интереса заслуживает формирование левой политической культуры индустриального типа, для которой характерно голосование за социал-демократов (социалистов) и коммунистов. Эта тенденция сближает голосование в странах ЦВЕ с голосованием в странах Западной Европы. Как показывает анализ, она весьма характерна для стран ЦВЕ с западно-христианской культурой. Особенно показателен пример Чехии. В 2002 г. социал-демократы добились своего наилучшего результата – 36,1% голосов в Моравско-Силезском регионе, т. е. в самом ярко выраженном, классическом по общеевропейским меркам старопромышленном ареале с центром в Остраве. То же показывали и выборы 1998 г. (социал-демократы взяли свой максимум – 39% голосов в Североморавском регионе²⁶).

Еще более интересен феномен Коммунистической партии Чехии и Моравии. Любопытно отметить, что это – единственная партия, которая решила использовать топоним «Моравия» в своем названии, тем самым подчеркивая свое стремление сыграть на моравском регионализме. При этом Моравия в ее северной половине является еще и ярко выраженным старопромышленным регионом. Результат оказался соответствующим ожиданиям и закономерностям, известным в Западной Европе. Вообще на выборах 2002 г. КПЧМ добилась сенсационного успеха по стране в целом (18,5% голосов), причем успех был получен именно за счет адаптации коммунистов к электоральным ожиданиям городского пролетариата, т. е. своего «классического» электората. Самыми прокоммунистическими в Чехии оказались промышленные ареалы вдоль германской границы (районы Усти-над-Лабем и Карловых Вар²⁷). За ними следовали как раз районы северной, старопромышленной Моравии – Моравско-Силезский и Оломоуцкий (по 21% голосов в каждом). Закономерно, что в «правой» Праге коммунисты получили свой наихудший результат – 11,1%.

Свои левые ориентации старопромышленные субцентры проявляют и в других странах. Например, в Венгрии социалисты добиваются наилучших результатов в районе (медье) Комаром-Эстергом со столицей в угольно-индустриальной Татабанье (расположен не-

²⁸ В 1998 г. – 38,8%,
в 2002 г. – 49,3%.

²⁹ В целом тем самым подтверждается тезис о том, что в Венгрии левый тип голосования более характерен для центров, чем для периферий.

³⁰ При том что центр Силезии – Катовице голосовало скорее за «Солидарность»

посредственно к северо-западу от Будапешта)²⁸. Им благоприятствует и медье Боршод-Абауй-Земплен к северо-востоку от Будапешта (его столицей является Мишкольц – второй по величине город Венгрии, крупный промышленный центр). На последних выборах социалисты получили более 45% голосов также в медье Баранья на юге страны (промышленный центр Печ) и медье Хевеш (центр – Эгер) рядом с Мишкольцем²⁹.

Данная тенденция проявляется и в Словении. На выборах 2000 г. Объединенный список социал-демократов (не путать с Социал-демократической партией) получил более 20% голосов в Есенице на северо-западе страны (исторически сложившийся центр черной металлургии), Идрии (старинный центр добычи ртути), Кочевье (добыча угля) и др. Даже в Польше, где левые настроения для ведущих центров нехарактерны, отмечается повышенная поддержка Демократического левого альянса в некоторых районах Силезии и в Лодзи³⁰. Левые настроения проявляются в традиционно «пролетарских» регионах и на Балканах. Например, в Болгарии эту роль играет Перник (город неподалеку от Софии), где поддержка левых выше, чем по стране в целом³¹.

Этнические расколы и их влияние на выборы

и Союз свободы, соседний Сосновец оказался самым благоприятным в стране регионом для левых (44,7% голосов). В Лодзи, другом классическом старопромышленном ареале, левые получили 37,1% голосов.

³¹ Да и на Украине, только по другим причинам, Донбасс является ареалом высокой поддержки коммунистов.

Раскол «центр – периферия» в странах ЦВЕ дополнен и сильно усложнен множественными этноконфессиональными и субэтническими историко-культурными расколами. Следует понимать, что во многих случаях речь идет о процессах нового государственного строительства. Поэтому проблемы политизированной этничности и идентичности, связанные с этим групповые конфликты и процессы сегментации общества оказывают большое, местами – просто главное влияние на электоральную географию ЦВЕ.

Многие страны ЦВЕ отличаются многонациональным составом населения. В результате весьма распространенным оказывается феномен этнического голосования. Практически в чистом виде он представлен в Боснии и Герцеговине, где с самого начала истории многопартийных выборов каждая из трех основных этноконфессиональных общин ориентировалась на поддержку своей партии. Для мусульман это – Партия демократического действия, сербов – Сербская демократическая партия, хорватов – Хорватское демократическое содружество. Эти партии до сих пор доминируют на политической сцене Боснии и Герцеговины, хотя предпринимаются активные попытки вывести на авансцену «этнически нейтральные» политические силы.

Анализируя электоральное поведение национальных меньшинств (и, соответственно, ареалов их компактного проживания), следует выделить главную тенденцию. Как правило, меньшинства в ЦВЕ создают собственные партии и консолидировано за них голосуют. При необходимости (прежде всего, на президентских выборах)

они ориентируются на тех кандидатов, которые в наибольшей степени ассоциируются с процессами европейской интеграции и в то же время дистанцируются от национализма. Меньшинства заинтересованы в том, чтобы соответствующие государства стали частью «Большой Европы», в составе которой им будет легче отстаивать свои права. Напомним, что в Западной Европе меньшинства либо создают собственные партии, либо склоняются к поддержке тех, кто стоит левее центра, отвергая тем самым традиционализм и национализм правых. В ЦВЕ эти тенденции проявляются еще ярче в условиях недостаточно устойчивой государственности и активности националистов. Но в то же время в ЦВЕ, в отличие от стран Западной Европы, не выражена тенденция голосования меньшинств за левых, поскольку процессы европейской интеграции больше ассоциируются с центристами и правыми (при важном допущении, если они не проявляют национализм).

Наиболее ярким примером является голосование венгерского меньшинства, которое особенно заметно на политической сцене Румынии, Словакии и Сербии. В Румынии и Словакии венгерские партии³² играют самую заметную роль в политической жизни. Результаты голосования за эти партии практически соответствуют доле венгров в населении. Например, в Румынии в двух трансильванских уездах с абсолютным преобладанием венгров Демократический союз венгров Румынии получил 78% (Жаргита) и 68,1% (Ковасна) голосов соответственно. За счет «венгерского» голосования были серьезно снижены показатели общенациональных партий в таких ключевых уездах Трансильвании, как Муреш (административный центр – город Тыргу-Муреш) и Клуж (Клуж-Напока).

На президентских выборах венгерское меньшинство позиционировалось правее центра. В Словакии венгры голосовали за Р.Шустера и соответственно против В.Мечъяра, сочетающего левоцентризм и популизм с умеренным национализмом. В Сербии на последних выборах венгры активно поддерживали демократа Б.Тадича и уж конечно не сербского националиста Т.Николича, вышедшего с ним во второй тур. Заметим, что во всех случаях на последних выборах голоса венгерского меньшинства попали в копилку победителя, поспособствовав увеличению его отрыва.

Особая ситуация могла бы быть связана с мусульманскими меньшинствами, но и они обычно действуют в той же логике. Опять-таки практически во всех странах они создают собственные партии, не считая пока для себя возможным поддерживать какую-либо из общенациональных политических сил, так или иначе ассоциируемых с государствообразующим этносом. Этот факт лишний раз подчеркивает, что общество в ЦВЕ все еще остается сильно сегментированным по национальному и конфессиональному признаку, и подлинно общенациональные партии еще не сложились в полиэтнических обществах.

³² Соответственно, Демократический союз венгров Румынии и Венгерская гражданская партия.

Прежде всего, следует обратить внимание на большое количество албанских партий, действующих в Македонии и Черногории (в Косово албанцы, как известно, не участвуют в общесербских выборах, проходят свои выборы, в связи с которыми сложилась своя «албанская многопартийность»). Причем, в отличие от консолидировавшихся венгров, у албанцев с течением времени возникла серьезная внутренняя конкуренция между различными партиями (особенно заметная в Македонии, где в последних президентских выборах участвовали сразу два кандидата-албанца). На президентских выборах 2004 г. в Македонии албанцы во втором туре консолидировано поддержали социал-демократа Б.Црвенковски, который и стал победителем (особенно успешно выступив как раз в албанских районах). Это скорее объяснялось ситуативными договоренностями, нежели тем, что албанцы всегда предпочитают «македонских левых» «македонским правым».

³³ Речь идет о славянах-мусульманах, которые в югославских переписях проходили как просто мусульмане, т. е. конфессиональная принадлежность стала играть роль этнонима. Только в Боснии среди славян-мусульман постепенно вводится этноним босняки.

Аналогичные тенденции характерны и для голосования мусульман в Сербии и Черногории³³. Сербские и черногорские мусульмане явно не поддерживают левых, предпочитая голосовать за демократов-западников и пробивать таким способом свой собственный путь в Европу. В Сербии на последних президентских выборах населенная мусульманами область Санджак на юго-западе страны (граница с Черногорией) отличилась активной поддержкой Б.Тадича, как бы конкурируя с венгерскими районами Воеводины и превосходя собственно сербские этнические территории (даже Белград). В Черногории мусульманские районы активно поддерживают «западника» М.Джукановича. Так, в 2001 г. наилучшие результаты его блока «Победа Черногории» были получены именно в мусульманских районах на севере страны, в черногорской части Санджака (Рожае – более 70%, Плав – более 50%)³⁴.

³⁴ Как было отмечено выше, черногорцы на северной окраине республики, наоборот, голосуют за левых по сценарию «левой периферии».

Наконец, значимым политическим игроком в Болгарии на протяжении многих лет является Движение за права и свободы, представляющее интересы турецкого меньшинства. Например, на выборах 2001 г. в населенном турками регионе Кырджали на юго-востоке страны оно получило 58% голосов. Результаты на уровне 20–30% были получены (опять же за счет консолидированного голосования турок) в ряде других регионов на юго- и северо-востоке страны.

На постсоветском пространстве складывается несколько иная ситуация. Здесь формирование партий по этническому признаку оказалось затрудненным или нехарактерным, прежде всего, из-за политической пассивности русских меньшинств в ряде случаев их отстранения от участия в выборах в связи с непредоставлением гражданства (Эстония, Латвия). Прозападные партии и движения были в значительной степени антироссийскими (и просто антирусскими), поскольку движение на Запад «по определению» воспринималось государствообразующими этносами как движение прочь от России. В этой ситуации меньшинства оказались на стороне левых, которые

выступали за интеграцию с Россией, а также вызывали ассоциации с повергнутыми ценностями дружбы народов. Закономерно, что в Молдове и на Украине левая и одновременно пророссийская ориентация меньшинств получила наибольшее развитие в связи с весьма скептическим отношением населения к перспективам вхождения этих стран в «большую Европу».

Однако эта ситуация начинает меняться. Понимая важность отношений с Западом, левые партии в СНГ начинают уходить от пророссийской (просоветской) риторики. На Украине характерны различия между коммунистами и социалистами, которые ориентированы на Запад. В Молдове от пророссийской позиции в сторону прозападной стала дрейфовать даже коммунистическая партия, стоило ей прийти к власти в 2001 г. В то же время каких-либо специфически «русских» партий в этих условиях не возникло, возможно в силу слабой способности русских к политической самоорганизации по этническому признаку. В этих условиях меньшинства остались сторонниками левых партий, в особенности в сельской местности, где «левый консерватизм» остался характерным явлением.

Важным примером служит Молдова, где буквально все национальные меньшинства составили на этапе выборов 2001 г. консолидированный электорат коммунистической партии. Правые там традиционно выступали с националистических и откровенно прорумынских позиций, что, конечно, вызывало отторжение меньшинств. В результате наивысшими показателями голосования за ПКРМ на выборах 2001 г. отличились южные окраины – Гагаузия (80,6%) и расположенная по соседству, населенная болгарами Тараклия (71,8%). Феномен «красного Севера»³⁵ в Молдове объясняется характерной для этой части страны многонациональной и этнически толерантной средой (значительную часть населения составляют украинцы, в городах также – русские). Именно присутствие русской и русскоязычной среды обеспечивало полевение республиканской столицы Кишинева, который на парламентских выборах 2001 г. в своем голосовании за коммунистов следовал сразу за Гагаузией, Тараклией и тремя уездами «красного Севера».

В 2005 г. ситуация в Молдове изменилась, но географически – ненамного. Как говорилось выше, правящая ПКРМ стала менять свой имидж, поддерживая евроинтеграцию и дистанцируясь от России. Но при этом ей удалось сохранить основную часть традиционного электората и, соответственно, поддержку «красного Севера». Например, в северных Окницком и Шолданештском районах коммунисты набрали более 60% голосов. В то же время была потеряна Гагаузия, где все-таки возникла своя региональная политическая сила – блок «Patria – Родина», набравший 51,5% голосов (на долю ПКРМ остались 30,75%). И в Кишиневе часть русскоязычного населения, вероятно, переориентировалась на правоцентристский (что органичнее для столичного центра) блок «Демократическая Молдо-

³⁵ Сюда входят уезды Бельцы, Единцы и Сорока. В 2001 г. ПКРМ получила здесь более 50% голосов. В 1999 г. при голосовании за «Блок коммунистов, социалистов и аграриев» именно эти три уезда отдали блоку наибольшие проценты голосов. Наиболее благоприятный уезд Единцы, самый северный в Молдове, отдал этому блоку 45,5% голосов (по стране в целом блок получил 33,3%).

ва», использовавший пророссийскую риторику (хотя и неуверенно, пытаясь одновременно конкурировать с ПКРМ в проевропейской риторике). А вот периферии со смешанным этническим составом остались оплотом левых (что можно теперь связать с общей для многих стран ЦВЕ тенденцией левого голосования на перифериях). Подтверждая последнее наблюдение, за ПКРМ достаточно активно голосовали и моноэтнические сельские районы с молдавским населением в других частях страны. Примечательно, что ПКРМ получила более половины голосов в моноэтническом Унгенском районе, который находится в центрально-западной части страны на границе с Румынией (основной пункт перехода румынской границы).

Интересна и ситуация на Украине. Здесь русское население также традиционно тяготело к коммунистам, которые воспринимались как главные носители реинтеграционных идей. Доказательством тому служат итоги выборов в Крыму и Севастополе³⁶, регионах, которые отличаются абсолютным преобладанием русского населения (в отличие от Донбасса, где преобладает русифицированная, но все-таки этнически украинская среда). На парламентских выборах 1998 и 2002 гг. Крым и в еще большей степени Севастополь находились среди самых прокоммунистических регионов Украины. В более успешном для коммунистов 1998 г. коммунисты получили в Севастополе 46% голосов³⁷, в Крыму – почти 40%. В 2002 г. показатели упали, но остались среди самых высоких, превысив тридцатипроцентный порог. Кстати, в Крыму отмечалась и попытка создать региональную партию (партия «Союз»), ориентированную на русское население, но она оказалась не столь успешной³⁸. В то же время другие меньшинства на Украине отнюдь не демонстрировали свои симпатии коммунистам. Так, крымские татары, репрессированные при советской власти, создали тактический альянс с украинскими националистами и на протяжении многих лет голосовали за Народный Рух Украины. Венгры и румыны на Западной Украине за украинских националистов, напротив, голосовать не стали, но и что-то определенное для себя не решили. Для них на какое-то время нашлась приемлемая политическая сила – левоцентристская «партия власти» (Социал-демократическая партия Украины (объединенная)), созданная одним из киевских политико-экономических кланов. На выборах 1998 г. СДПУ(о) получила свои наивысшие показатели в Закарпатье, где велико венгерское население (31,2% голосов), и в Черновицкой области, где довольно много румын и молдаван (9%). При этом раскрутка СДПУ(о) в этих регионах произошла, конечно, за счет использования административной поддержки на местах и мощных кампаний партийных лидеров, баллотировавшихся там в одномандатных округах. В целом, как видно, электоральное позиционирование меньшинств на Украине оказалось очень разным.

Следует также обратить внимание на голосование польского и русского меньшинства в Литве. Поскольку правые в Литве оказа-

³⁶ Севастополь административно отделен от Автономной Республики Крым.

³⁷ Столько же они получили в другом самом успешном для КПУ регионе – Луганской области (Донбасс).

³⁸ Приняв участие в парламентских выборах 1998 г., партия «Союз» завоевала в Крыму немногим более 10% голосов.

лись ярко выраженными националистами, меньшинства в отсутствие сильного, центристского и притом прозападного³⁹ движения здесь тоже сдвинулись немного влево (по литовским меркам левизны, конечно). Именно польские и русские районы самым активным образом голосовали на президентских выборах 2003 и 2004 гг. за Р.Паксаса и К.Прунскене соответственно (т. е. против В.Адамкуса). К.Прунскене во втором туре получила свой наилучший результат (91,5%) в городе атомщиков Висагинасе со значительной долей русского населения (Игналинская АЭС). Вслед за Висагинасом шел Шальчининкайский район (89,15%), где абсолютно преобладают поляки. Аналогично Р.Паксас в 2003 г. наилучшего результата добился в Шальчининкае (более 80%), а в Висагинасе набрал более 70% голосов. Благоприятными для левоцентристских кандидатов, которым был чужд литовский национализм, оказались и другие районы с польским и смешанным населением в окружении Вильнюса (Вильнюсский, Тракайский районы и др.).

³⁹ Все-таки поляки вряд ли стали бы голосовать за пророссийские партии.

Субэтнические расколы и электоральный градиент «Запад–Восток»

Центральная и Восточная Европа с серьезными основаниями могут считаться регионом нового этногенеза. После распада Российской, Австро-Венгерской и Османской империй и постепенного формирования национальных государств проблема национальной идентичности остается здесь очень острой. Внутри этнических групп сохраняются значительные языковые, культурные и иные различия, которые подпитывают субэтнические историко-культурные расколы.

Наиболее выраженным во многих странах ЦВЕ является раскол «Запад–Восток». На уровне рабочей гипотезы можно предположить, что западные регионы этих стран в большей степени склоняются к голосованию за правых, в то время как восточные имеют более выраженную левую ориентацию. Точнее к правым и правоцентристам должны склоняться регионы, географически обращенные к Западной Европе (а это не обязательно строго Запад того или иного государства, как станет ясно позднее, это может быть Север и даже Юг).

Самым ярким примером раскола «Запад–Восток» является Украина. Из всех рассматриваемых государств она отличается самой неоднородной, лоскутной территорией, отдельные фрагменты которой имеют совершенно разную историю, характеризуются различными культурными и даже конфессиональными особенностями.

Анализируя субэтнические электоральные расколы, следует понимать, что при любом расколе выделяются ядра типичности, для которых наиболее характерен тот или иной тип голосования, и переходные зоны. Украина с ее очень большой по европейским меркам территорией является прекрасным примером для изучения географической постепенности электоральных расколов.

Ядром типичности украинского Запада служит Галичина (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области), быв-

шая территория Австро-Венгрии, затем – Польши, включенная в состав СССР только в 1939 г. Если говорить о конфессиональной принадлежности населения, то именно здесь наибольшим влиянием пользуются униаты.

Практически на всех выборах электорат Галичины консолидировано голосует за кандидатов правой и националистической ориентации. Это ярко продемонстрировали последние президентские выборы, когда именно в этих трех регионах В.Ющенко добивался своих наилучших показателей. Результаты голосования за В.Ющенко в этих регионах впечатляют. В первом туре он получил в Ивано-Франковской области 89%, в Тернопольской – 87,5%, в Львовской – 87,25%. В «третьем туре» можно было говорить о полностью консолидированном голосовании: 96% в Тернопольской области, 95,7% в Ивано-Франковской, 93,7% в Львовской⁴⁰. Аналогичные тенденции высветили и парламентские выборы 2002 г. На них блок В.Ющенко «Наша Украина», поддержанный частью националистических организаций, получил в Ивано-Франковской области 74,6%, Тернопольской – 69%, Львовской – 63,9%. Блок Юлии Тимошенко, в который вошли некоторые другие националисты, добился своих наилучших показателей в Львовской и Тернопольской областях (свыше 15%).

Данная ситуация была типична буквально для всех украинских выборов. В начале и середине 1990-х гг. украинские националистические организации по сути являлись движениями с региональной поддержкой, выраженной прежде всего в Галичине. Да и их лидеры обычно были галичанами (как например, В.Чорновил). Так, в 1998 г. Народный Рух Украины, ведущая национально ориентированная организация этой страны, завоевал более 25% голосов в тех же трех регионах. Именно в Галичине и, пожалуй, только там заметным влиянием пользовались радикально-националистические организации, наследующие национальному движению С.Бандеры. В том же 1998 г. радикальный Национальный фронт получил на выборах по Украине в целом только 2,7% голосов. Но при этом его результат в Ивано-Франковской и Тернопольской областях превысил 20%⁴¹.

С некоторым отставанием по степени развития националистических настроений за Галичиной следует Волянь (Волинская и Ровенская области), северо-западный угол Украины. Этот регион, в отличие от Галичины, входил в состав Российской империи, но в межвоенный период относился к Польше. При голосовании за В.Ющенко на президентских выборах и блок «Наша Украина» на парламентских эти две области устойчиво занимали 4–5 места после трех регионов Галичины. Поддержка Народного Руха в 1998 г. превысила в Ровенской области 25% (на уровне Галичины), Волинская несколько отстала.

Также Запад Украины составляют два совершенно особых региона – Черновицкая и Закарпатская области, которые тем более

⁴⁰ Примечательно, что в «центральной» для Запада Украины Львовской области показатель был все-таки немного ниже, чем в периферийных районах Галичины.

⁴¹ Расположенная в предгорьях Карпат Ивано-Франковская область является «классическим» бандеровским регионом. Здесь, кстати, родился сам С.Бандера. Я.Стецько, вдова одного из соратников С.Бандеры, лидер воссозданной Организации украинских националистов (ОУН) и Конгресса украинских националистов (КУН) в 1994 и 1998 гг. легко выигрывали выборы в Верховную Раду по округу, включающему предгорные районы Ивано-Франковщины (Яремча и др.).

нельзя считать ядрами типичности «западно-украинского» голосования. Черновицкая область (прежняя Северная Буковина) вместе с Галичиной была частью Австро-Венгрии, затем – Румынии (а не Польши), подобно Галичине и в отличие от Волыни она никогда не входила в состав России (только в состав СССР). В первом туре президентских выборов 2004 г. Черновицкая область заняла шестое место при голосовании за В.Ющенко, но уже с заметным отставанием от лидеров (66,6%). В «третьем туре» она отдала В.Ющенко 79,75% голосов, но занятое ею место оказалось только девятым. За НРУ в 1998 г. здесь голосовали неплохо, но немного сдержанно, на уровне свыше 15% (уровень Волынской области). Некоторая сглаженность националистических настроений в Черновицкой области объясняется присутствием румынского и молдавского меньшинств.

Наконец, наименее типичным западно-украинским регионом является Закарпатье. Оно подобно Галичине и Северной Буковине (и в отличие от Волыни) не было частью Российской империи. В состав СССР Закарпатье вошло позже всех – в 1945 г. Исторически оно относилось к Австро-Венгрии, но, в отличие от Галичины и Северной Буковины, к ее «венгерской» половине. В межвоенный период Закарпатье было частью Чехословакии. Но украинский национализм в этом регионе имеет сглаженный характер, поскольку Закарпатье – действительно многонациональная территория, где представлены венгерское, румынское, словацкое и другие меньшинства, причем межнациональные отношения традиционно носят спокойный характер, здесь нет конфликтной внутренней поляризации социума⁴². Регион географически обособлен, он отделен от Галичины Карпатами. В.Ющенко в первом туре опередил здесь В.Януковича, но не набрал половины голосов. В «третьем туре» результат В.Ющенко был на уровне 67,45% и вновь оказался самым низким для территории Западной Украины, вошедшей в состав СССР в 1930-40-е гг. Особое место Закарпатье на электоральной карте Украины предопределило колебания электорального поведения в отсутствие четкой ориентации и политических сил, выражающих интересы данного региона⁴³. Как уже говорилось, в 1998 г. оно стала оплотом СДПУ(о), и лидеры партии, киевляне и совсем не закарпатцы по происхождению Г.Суркис и В.Медведчук, уверенно выиграли выборы в здешних округах.

С другой стороны украинский Восток и Юг в лице как своих центров, так и периферий тяготеют влево. Эти регионы сложились, были заселены и промышленно освоены в составе России и затем СССР. Частью Польши и тем более Австро-Венгрии они не являлись. Как результат, в нынешних условиях здесь развиты пророссийские и прокоммунистические настроения. Самым прокоммунистическим регионом Украины является Луганская область – самый восточный регион страны, часть промышленного и русскоязычного Донбасса. В 1998 г. КПУ набрала здесь 46% голосов, в 2002 г. – почти 40%. От

⁴² Среди местных украинцев ранее была распространена своя собственная – русинская идентичность. Интересно, что в Югославии (Воеводине), куда в австро-венгерский период переселилась часть закарпатцев, русины официально фигурировали в переписях как отдельный этнос. Что касается поддержки украинских националистов, то она лучше выражена в восточной, горной части Закарпатской области, где проживает гуцульский субэтнос, который ближе по своей культуре к украинцам Прикарпатья, проживающим в горных районах Галичины.

⁴³ Закарпатье попало в характерную электорально-географическую ловушку. Регион, безусловно, особый, но слишком маленький, чтобы создавать собственную партию, способную претендовать на участие в общенациональной политике, а также для того, чтобы общенациональные партии стремились артикулировать его интересы. СДПУ(о) тоже лишь некоторое время интересовалась этим регионом.

⁴⁴ Заметим, что в Молдове правящие коммунисты стали менять идеологию, сохраняя при этом базу уверенной поддержки на Севере республики. На Украине же менять свою ориентацию стал все-таки регион – Восток, снижая поддержку коммунистов (не менявших идеологию) в пользу центристов, поддерживаемых местными олигархиями.

⁴⁵ В Харьковской области В.Янукович получил 57,4% в первом туре и 68,1% в «третьем». В Запорожской области результат составил 55,65% и 70,1% соответственно. Интересно, что родной регион президента Л.Кучмы, Днепропетровская область сыграла на Востоке роль некоторого аналога Закарпатья, т. е. особого изолированного региона, притом конкурируя с Донбассом за политическое и экономическое влияние в стране в целом. В 1998 г. здесь и только здесь добилось успеха фактически региональное движение «Громада» (35,3% голосов), созданное лидерами первого, впоследствии разгромленного днепропетровского клана – бывшим премьером П.Лазаренко и его тогдашней соратницей Ю.Тимошенко. На президентских выборах 2004 г.

нее несколько отставала Донецкая область (почти 30% в обоих случаях). Ядро типичности украинского Востока составляет Донбасс – электорально-географический антипод Галичины. В состав «красного Востока» Украины входили и другие промышленные регионы Восточной Украины – Харьковская, Днепропетровская, Запорожская области. В 1998 г. Харьковская область не только выделилась голосованием за КПУ (более 30%), но и стала самым благоприятным регионом для левопопулистской Прогрессивной социалистической партии Украины во главе с Н.Витренко (35,5%). Запорожская область с некоторым отставанием процентных показателей повторяла левую ориентацию Донбасса.

Правда, следует отметить, что новым феноменом для Восточной Украины стало голосование за «партии власти» распылывчатой центристской ориентации, лояльные президенту Л.Кучме⁴⁴. Они были созданы восточно-украинскими промышленниками и начали вытеснять коммунистов. «Партии власти» нельзя, конечно, назвать левыми, но в то же время они явно расходились с украинским национализмом и поддерживали интеграционные идеи. В сущности они оказались региональными антиподами украинских националистов, и не случайно их базой, равно как и базой коммунистов, стало ядро типичности украинского Востока – Донбасс. Ярким примером явилось голосование в 2002 г. за блок «За единую Украину», который добился наилучшего результата в Донецкой области (36,8%, больше, чем КПУ). Неплохие показатели на уровне более 14–15% были получены этим блоком в Харьковской и Луганской областях. Данная ориентация резко усилилась на bipolarных президентских выборах 2004 г., когда Восток консолидировано голосовал за премьер-министра Украины, бывшего губернатора Донецкой области В.Януковича. В первом туре он получил в Донецкой и Луганской областях более 80% голосов, в «третьем туре» – свыше 90%. Харьковская и Запорожская области следовали за ними с некоторым отставанием⁴⁵, будучи в некотором смысле аналогом Волинии на Западной Украине.

Фактически на Украине Восток и Юг составляют один электоральный район с близкой и общей историей (его значительная часть была отвоевана Россией у Турции и реально освоена именно в российский период). На Юге прокоммунистические настроения наиболее характерны для Николаевской и Херсонской областей. В 1998 г. КПУ получила в этих регионах более 30%, в 2002 г. Николаевская область немного не дотянула до этого показателя, а Херсонская вновь его превзошла. На президентских выборах 2004 г. Николаевская область оказала заметную поддержку В.Януковичу (но несколько более слабую, чем Запорожская и Харьковская области). Однако, чуть более периферийная и аграрная Херсонская область не смогла преодолеть свои протестные настроения. Здесь В.Янукович опередил В.Ющенко на всех голосованиях, но лидерство его было

Днепропетровская область отдала В.Януковичу в первом туре лишь 49,7% голосов, в «третьем» – 61,1%.

⁴⁶ В поисках собственной идентичности потерявшаяся на электоральной карте Украины Одесская область в 1998 г. оказалась самым благоприятным регионом для зеленых, получивших здесь 10,7% голосов. Впрочем, в 2002 г. Одесская область все-таки была одним из опорных регионов блока «За единую Украину» (более 14% голосов, на уровне Луанской и Николаевской областей).

⁴⁷ Кстати, не соответствием действительности устойчивый стереотип, что по Днепру проходит раскол между Западом и Востоком. В реальности существует Центр по обе стороны Днепра с довольно близкими электоральными ориентациями своих регионов.

⁴⁸ В 1998 г. это был блок Социалистической и Селянской партий.

⁴⁹ Кстати, уроженца не Запада, а как раз Сумской области, т.е. территории Слобожанщины, сложившейся в составе России в XVII в. в процессе переселения украинцев из Малороссии – тогдашней Польши.

самым неуверенным (37,4% в первом туре и 51,3% в «третьем»). Что касается самого крупного региона украинского Юга – Одесской области, то она, в целом соответствуя параметрам данного электорального района, традиционно отличается невыразительными электоральными ориентациями (отчасти это объясняется внутренней поляризацией: Одесса с одной стороны, сельская периферия – с другой, а также тем, что одесситы так и не нашли политическую силу, адекватно выражающую их интересы). В.Янукович здесь выиграл, но неуверенно (из благоприятных для него регионов хуже голосовали только Днепропетровская и Херсонская области). Левые ориентации здесь не были выражены так ярко, как в Николаеве и Херсоне, правые – тем более⁴⁶.

Таким образом, электоральная карта Украины имеет хорошо выраженный лоскутный характер, в целом следуя историко-культурным границам. Общий раскол «Запад – Восток» с его противостоящими друг другу полюсами (Галичина и Донбасс) на столь большой территории дополняется формированием географического Центра, тоже, впрочем, неоднородного (территория, постепенно переходившая от Польши к России в XVII–XVIII вв.). Центр является вполне украинским по этнокультурным характеристикам, но он не подвергался столь длительному западному «облучению», длительное время и устойчиво входя в состав России. Сложившаяся здесь электоральная культура имеет левый (на контрасте с «правым» Западом), но не прокоммунистический характер.

Наиболее характерной для Центра стала ориентация на социалистов А.Мороза, в отличие от русскоязычных Востока и Юга, сделавших ставку на коммунистов, а также выросшие здесь украинские «партии власти» эпохи Л.Кучмы. Украинские социалисты (кстати, активно развивавшие контакты с европейскими социалистами) заняли географический Центр, дистанцировавшийся от националистического Запада и прокоммунистического Востока⁴⁷. Ярким примером служит Полтавская область, где и в 1998, и в 2002 г. социалисты получили свыше 20% голосов⁴⁸. В 2002 г. социалисты также набрали более 20% голосов в Винницкой области. Влияние коммунистов здесь заметно, но скорее на территории, граничащей с Россией. Наиболее интересна примыкающая к России Черниговская область. В 1998 г. коммунисты здесь получили более 30% голосов, социалисты – более 15%. В соседней и тоже пограничной Сумской области в 1998 г. активно голосовали за ПСПУ (20,9%), а лидер этой партии Н.Витренко избиралась здесь в Верховную Раду по округу. Но примечательно, что в условиях президентских выборов 2004 г. Центр все-таки склонился в пользу В.Ющенко⁴⁹, дистанцировавшись тем самым от Юга и Востока и примкнув к Западу. Кроме этнокультурных особенностей в значительной степени этому способствовали развитые протестные настроения в этих в общем-то бедных регионах, не менее бедных, чем западные.

Анализ украинских выборов позволяет сделать вывод о том, что этнокультурный раскол «Запад–Восток» здесь в целом определяет особенности электоральной географии. Однако Украина интересна тем, что ее региональная структура имеет еще более сложный характер, что влечет за собой появление множества нюансов в виде особых регионов и переходных зон.

Ситуация в Белоруссии, например, является во многом подобной украинской, но она значительно проще. Запад в виде территорий, входивших в межвоенный период в состав Польши и оказавшихся в СССР в 1939 г., отличается более выраженной поддержкой оппозиции. А.Лукашенко наиболее активно поддерживают восточные области, выходцем из которых является он сам⁵⁰. На Востоке, соответственно, более развиты левые и пророссийские настроения, которые использует в своих кампаниях президент Белоруссии. На президентских выборах 2001 г. А.Лукашенко получил более 80% в Гомельской и Могилевской областях, от них немного отстала Витебская область⁵¹. Кандидат оппозиции В.Гончарик со своей стороны получил 15–16% голосов в западных Гродненской и Брестской областях, почти 15% – в Минской области⁵².

Расколы между «прозападным Западом» и «левым» Востоком прослеживаются и в таких сложносоставных по своей исторической и культурной географии странах, как Чехия и Румыния. Например, в собранной, подобно Украине, из нескольких «деталей» Румынии поддержка левых типична для Валахии и Молдовы, т. е. Востока и Юга, и нехарактерна для Запада, входившего в состав Австро-Венгрии (Трансильвания и Банат). Иными словами, отмеченный ранее феномен «левой периферии» в Румынии распространяется на две крупные исторические области из трех. На общем фоне выделяется, например, уезд Ботошани, расположенный в крайнем северо-восточном углу Румынии, на границе с Молдовой и Украиной. Здесь социал-демократы получили на выборах 2000 и 2004 гг. более половины голосов. Также на последних выборах свыше 50% голосов они набрали в другом уезде румынской Молдовы – уезде Васлуй, расположенном на границе с Республикой Молдова⁵³. Что касается Валахии, южной части Румынии, то аналогичные показатели были получены социал-демократами в уездах Джурджу, Олт и Телеорман, выстроившихся вдоль Дуная на границе с Болгарией. В целом список уездов, где социал-демократы набирали более 40% голосов на выборах 2000 и 2004 гг. целиком состоит из территорий Валахии и Молдовы. В южных и восточных уездах даже с такими крупными центрами, как Крайова, Питешти, Галац, Брзила, Яссы и Бакэу румынские социал-демократы тоже получали очень много голосов, на уровне не менее 40% (в Бакэу, втором по величине центре румынской Молдовы в 2000 г. даже свыше 50%). Исключение на этой территории составили только Бухарест, отличающийся иной, столичной электоральной культурой, а также расположенный по соседству с румынской столицей промышленный центр Плоешти.

⁵⁰ А.Лукашенко – выходец из Могилевской области.

⁵¹ Западная окраина Витебской области относится к Западной Белоруссии.

⁵² Историческая граница между Западной и Восточной Белоруссией пересекает Минскую область на две части.

⁵³ Любопытно, что около половины голосов по ту сторону границы, в сельских районах Республики Молдова получают коммунисты. Таким образом, электоральная культура румынской Молдовы и одноименного государства, территорий со схожей аграрной специализацией и крестьянским менталитетом, выглядит подобной и тяготеющей влево.

Напротив, для Трансильвании и Баната, бывших территорий Австро-Венгрии, отделенных от Валахии и Молдовы Карпатами и расположенных на западе и северо-западе Румынии, характерна иная, смешанная электоральная культура. Здесь выше поддержка правых, что особенно заметно по некоторым крупным центрам (Брашов и др.). Одновременно, в связи с наличием венгерского меньшинства, во многих уездах значительного успеха добивается Демократический союз венгров Румынии. Кроме того, здесь проявляется фронтирный румынский национализм, что влечет за собой значительные показатели голосования за Партию Великой Румынии. Более высокие показатели этой партии в Трансильвании были характерны для крупных уездов, где соседствует румынское и венгерское население. Например, в 2000 г. сторонники «Великой Румынии» завоевывали более 20% голосов в уездах Клуж и Муреш, в уезде Арад на венгерской границе и т.п. Впрочем, надо отметить, что поддержка этой партии относительно велика и в некоторых уездах Валахии, а также приморской Добруджи. В то же время в румынской Молдове эта партия пользуется как раз невысокой популярностью, хотя «Великая Румыния» предполагает включение в свой состав Бесарабии. Несмотря на это, румынская Молдова выглядит обычным периферийно-аграрным регионом с ярко выраженными левыми ориентациями без какой-либо существенной примеси румынского национализма. Фронтирный национализм, как видно, проявляется не на восточной, а на западной и отчасти южной границе Румынии, где его подогревает в частности «венгерский фактор». Восточная же граница Румынии, как и во многих других странах ЦВЕ, выглядит вполне спокойной, консервативно-«левоцентристской», и местное население индифферентно к крайним проявлениям национализма.

Историко-культурный раскол между собственно Чехией (или Богемией) и Моравией оказывает заметное влияние на электоральную географию Чехии. Как уже говорилось, на Западе сложилось «чешское ядро», являющееся главной опорой классических чешских правых из ГДП. Напротив, в Моравии проявляется широкий спектр иных электоральных ориентаций. В расположенных на этой территории промышленных регионах велика поддержка социал-демократов и коммунистов⁵⁴. Кроме того, здесь выше поддержка христианских демократов. Хотя граница между собственно Чехией и Моравией не столь ярко выражена на электоральной карте, как например, граница между Валахией и Трансильванией. Историко-культурные различия между этими землями невелики. У тех же социал-демократов, коммунистов и христианских демократов есть и зоны поддержки на Западе. С этой точки зрения Чехия является довольно-таки доскутным образованием, напоминая Украину. В то же время у «западного» и «восточного» типов голосования в Чехии есть неплохо выраженная специфика.

Раскол «Запад–Восток» характерен для еще одного сложносоставного государства – Грузии, которая делится на хорошо выра-

⁵⁴ Как уже говорилось, чешские коммунисты даже разыгрывают карту моравского регионализма.

женные исторические области. Анализ грузинской электоральной географии затруднен по другой причине – в связи с размытой идеологической идентификацией партий, еще очень далеких от европейских стандартов. Значительное влияние на голосование в тех или иных регионах здесь оказывает географическое происхождение лидеров партий, поскольку говорить о сложившихся левых или правых ориентациях тех или иных исторических областей еще рано. Тем не менее, наличие электорального раскола вполне очевидно. На последних выборах ставший президентом Грузии М.Саакашвили и его Национальное движение «Демократы» пользовались максимальной поддержкой в периферийных районах Востока и Юга Грузии (Картли, Кахети, Джавахети). В столичном центре – Тбилиси электоральные ориентации были более разнообразными, и в частности заметной поддержкой пользовались лейбористы. Что касается Запада, то там располагалась основная база поддержки других партий. Прошедшая в парламент «Правая оппозиция» опиралась на районы Имеретии, Гурии, Рачи, а также на северную часть восточной Грузии (Хеви). В Мингрелии неплохо выступило движение «Свобода». Наконец, в совершенно особой Аджарии, которая на протяжении ряда лет фактически не подчинялась Тбилиси, значительную часть голосов набрал Союз демократического возрождения.

Раскол «Запад–Восток» проявляется и в других странах ЦВЕ, пусть не столь явно. Там нельзя говорить о глубоких субэтнических расколах, и потому электоральные границы могут быть размытыми. Тем не менее, описанные выше тенденции проявляются в Венгрии и Эстонии. В Венгрии повышенной поддержкой правых выделяются западные регионы, расположенные вблизи австрийской границы. На выборах 2002 г. блок «Союз молодых демократов – Демократический форум» получил свой максимальный процент – 53,5% в медье Ваш (административный центр – Сомбатхей), расположенном на границе с Австрией. Далее в списке самых благоприятных для венгерских правопоцентристов регионов следовали западные медье Веспрем и Зала. Ранее, в 1998 г. занимавшая тогда правопоцентристскую нишу Венгерская гражданская партия добилась своих наилучших показателей (более 35%) тоже в регионах Ваш и Веспрем, за которыми следовали Дьер-Мошон-Шопрон⁵⁵, Зала и Фейер (административный центр – Секешфехервар). Хотя размытость венгерского раскола «Запад – Восток» подтверждается наличием тяготеющих влево регионов к западу от Дуная и, наоборот, «правых» регионов на Востоке. Так, к левым склоняются на Западе промышленные регионы Комаром-Эстергом и Баранья, с оговорками – Шомодь. На Востоке на выборах 2002 г. среди самых благоприятных регионов для правопоцентристов были Бач-Кишкун и Хайду-Бихар⁵⁶.

Раскол между Западом и Востоком проявляется также в Эстонии. Западные приморские регионы оказались среди наиболее благоприятных для правой партии «Республика». Она получила свой

⁵⁵ Правда, в 2002 г. наиболее крупный регион на австрийской границе – медье Дьер-Мошон-Шопрон несколько отстал от своих соседей.

⁵⁶ Хайду-Бихар расположен на румынской границе, его центром является один из крупных венгерских городов – Дебрецен. «Правый уклон» этого региона может объясняться как его фронтальным положением (по ту сторону границы румыны активно голосуют за Партию Великой Румынии), так и особым конфессиональным составом (центр венгерского протестантизма).

⁵⁷ Его представителем, в частности, является А.Рюйтель, один из бывших советских руководителей Эстонии, избранный недавно президентом республики.

⁵⁸ В 2003 г. это был самый благоприятный регион для Союза эстонского народа (47,8% голосов). Аналогично в 1999 г. Йыгева отличилась самым высоким показателем Эстонской крестьянской партии.

⁵⁹ Интересно, что расположенный на крайнем Западе Эстонии крупнейший эстонский остров Сааремаа по своей электоральной культуре оказывается ближе к Востоку. В 1999 г. он был среди наиболее благоприятных регионов для Партии центра, в 2003 г. – для Союза эстонского народа. Соседний остров Хийумаа является оплотом левоцентристской Народной партии.

⁶⁰ Латгалия с оговорками является электорально-географическим аналогом северо-восточной Эстонии.

максимум – более 30% голосов в мааконде Ляяне (с центром в Хаапсалу), немного меньше – в наиболее крупном центре западного побережья Пярну. Голосованием за «Республику» отличились внутриконтинентальные западные регионы Рапла и Ярва. Напротив, более умеренный Союз эстонского народа⁵⁷ добился успеха в юго-восточных районах Эстонии, особенно в Йыгева⁵⁸, Гарту (без собственно города Гарту с его электоральной культурой столичного типа) и Валге. На выборах 1999 г. Эстонская крестьянская партия А.Рюйтеля выступила относительно хорошо в тех же регионах, а также в Выру – регионе на юго-восточной окраине Эстонии. На северо-востоке Эстонии тем временем высокой популярностью пользуется другая умеренная политическая организация – Партия центра. Ее активно поддерживают не только в Таллинне (о чем говорилось выше), но и в еще большей степени на северо-востоке Эстонии, вблизи российской границы. Там в частности расположены промышленные города Кохтла-Ярве и Силламяэ с преобладанием русского населения. На выборах 2003 г. Партия центра получила свой самый высокий процент голосов как раз на северо-восточной окраине Эстонии, в регионе Ида-Виру (более 40%). Среди оплотов Партии центра также соседний регион Ляяне-Виру и расположенная на юго-востоке Пылва⁵⁹. Кроме того, в юго-восточных регионах Выру и Пылва своих наилучших показателей добивается Народная партия (Умеренные), тяготеющая к социал-демократии.

С оговорками о расколе «Запад–Восток» можно говорить и в Латвии. Здесь совершенно особым регионом является расположенная на восточной и юго-восточной окраине Латгалия. В центре Латгалии – промышленном Даугавпилсе, втором по величине городе Латвии, преобладает русское население. Латышское население в этой части страны относится к католикам (большинство латышей – протестанты). Но при этом в Латгалии не отмечается формирование какого-то особого католического консерватизма (по аналогии с литовскими Каунасом и Аукштайтией). Наоборот, Латгалия активно поддерживает левоцентристов, являясь их самым надежным оплотом⁶⁰, да еще и создает собственные региональные партии. На парламентских выборах 2002 г. движение «ЗаПЧЕЛ» в Латгалии выступило еще лучше, чем в Риге, набрав 36,8% голосов. На выборах в Европарламент в 2004 г. в Даугавпилсе это движение получило более 30% голосов, во втором центре Латгалии – Резекне почти 30% (в Риге – 18,5%). Кроме того, значительное число голосов получили пользующиеся только местной поддержкой партии – «Свет Латгалии», Партия народного согласия, Социалистическая партия Латвии (в Лудзе).

Соответственно, западные и северные районы Латвии оказывают большую поддержку правым и правоцентристам (географически латвийский «Запад» гораздо больше «Востока», локализованного в Латгалии). Причем, как показали выборы в Европарламент

2004 г., именно в западной Латвии (Курземе) националистические настроения развиты немного больше, чем в других регионах. Первое место на этих выборах заняла «классическая» националистическая партия Латвии «Отечеству и Свободе». Ее наилучшие результаты – более 35–40% голосов были получены в основном в западных районах Латвии, включая, кстати, и портовые города Лиепая и Вентспилс. Впрочем, в северных районах (Видземе) эта партия тоже выступила очень неплохо. Похожая география голосований отличает и правую Народную партию.

В Юго-Восточной Европе раскол «Запад–Восток» часто трансформируется в раскол «Север – Юг», сохраняя примерно то же политическое содержание. Градиент здесь как бы разворачивается на 90%, т. к. северные регионы оказываются ближе к Западной Европе и демонстрируют электоральные ориентации, сходные с теми, которые в других странах характерны для их западных частей. Например, в Сербии поддержка демократов более типична для северной, моравской и придунайской части страны, где расположены Белград и Воеводина. Последняя (кстати, длительное время входившая в состав Австро-Венгрии) вообще является одним из оплотов демократов, что объясняется не только голосованием национальных меньшинств, но и прозападными политическими ориентациями значительной части местного сербского населения. Впрочем, выше был отмечен характерный для западных, граничащих с Хорватией районов Воеводины феномен фронтального национализма, что смазывает общую картину. Тем не менее, в целом сербский Юг выглядит более «левым» и националистически настроенным (в начале 1990-х гг. Юг был главным оплотом сербских социалистов и С.Милошевича).

Раскол «Север–Юг» (т. е. «развернутый» на 90 градусов раскол «Запад–Восток») характерен и для Албании. Вообще Албания имеет отчетливо выраженную субэтническую структуру, ее принято делить на Гегерию (Север) и Тоскерию (Юг). Причем при общем преобладании мусульманского населения в северных районах значимо присутствие албанцев-католиков, ориентированных, естественно, на Запад, а в южных – православных. Закономерно, что такая сложная региональная структура проявляется на электоральной карте. Северные районы Албании⁶¹ в большей степени тяготеют к правым (на выборах 2001 г. их представлял Союз за победу). Свой максимальный результат они получили в городке Кавая (78,3%). Более половины голосов им отдал крупнейший центр северной Албании Шкодер и др. Социалисты же пользуются наибольшей поддержкой в районах к югу от Тираны. Наилучшего результата – свыше 70% они добились в расположенном в горном южном районе страны городке Чоровода. В целом албанский «красный пояс» составили внутренние горно-периферийные районы южной Албании.

Отмечая в качестве общей тенденции голосование западных (или северных) регионов стран ЦВЕ за политические силы, позицио-

⁶¹ Включая также крупнейший албанский порт Дуррес (ворота страны во внешний мир) и его окружение.

нированные правее центра, следует обратить внимание на существующие инверсии. Одну из них мы уже исследовали на примере Хорватии, где Восток и Юг ушли к националистам, тогда как Запад демонстрирует левоцентристскую и либеральную ориентации. Причем в Хорватии произошло еще и расслоение побережья на северное и южное. Южное побережье (Далмация), граничащее с Герцеговиной, больше поддерживает националистов. В то же время полуостров Истрия, западная приморская окраина Хорватии, исторически тесно связанная с близлежащей Италией, отличается развитым регионализмом, левоцентристскими ориентациями и очень слабым развитием хорватского национализма. У этой земли своя особая история, здесь развита собственная идентичность, в частности действует своя партия (Истрийский демократический сабор). На общенациональных выборах Истрия явно сдвинута влево и не приемлет хорватский национализм в традициях ХДС и покойного Ф.Туджмана (в соответствии с отмеченной выше хорватской тенденцией левая ориентация региона не противоречит прозападной и даже, наоборот, ее подчеркивает). Именно здесь С.Месич на президентских выборах 2005 г. получил свой наилучший результат (более 70% в первом туре и почти 90% во втором, т. е. голосование было почти консолидированным). Аналогично на парламентских выборах 2003 г. социал-демократы (в коалицию с которыми вошел Истрийский демократический сабор) получили здесь свыше 40% голосов, что опять-таки стало их наилучшим результатом. В меньшей степени, но в ту же сторону сдвинуты электоральные ориентации расположенного по соседству с Истрией крупнейшего хорватского порта Риека, столицы Приморско-Горанской жупании. С.Месич на выборах 2005 г. набрал в этой жупании в первом туре более 60% голосов, также как в Меджумурской и Вараждинской жупаниях к северу от Загреба (во втором – почти 80%).

Но наиболее ярким и необычным случаем «западно-восточной» инверсии является Польша. В Польше именно западные районы тяготеют к левым, тогда как восточные – к правым. Данная ситуация отчасти может быть объяснена историей формирования польской государственной территории, ее сложносоставным характером. Как известно, западные земли (Померания, Силезия и др.) ранее входили в состав Германии и отошли к Польше после Второй мировой войны. После этого здесь произошли коренные изменения в этническом составе населения в связи с выездом немцев и миграцией поляков, в т. ч. с территории Украины и Белоруссии. Западная Польша стала совершенно новым социокультурно-географическим феноменом, она считалась образцом социалистического хозяйствования, в т. ч. в системе землепользования (частная собственность, сохранившаяся в социалистический период, характеризовала прежде всего восточные регионы). Напротив, восточные регионы Польши, бывшие территории России и Австро-Венгрии, развивались эволю-

ционно, население здесь укоренено и, в результате, больше тяготеет к традиционализму. В результате, если рассматривать парламентские выборы 1997 г., то получается, что именно в западных районах Польши Демократический левый альянс пользовался наибольшей поддержкой. Более 40% социал-демократы получили в Пильском воеводстве на северо-западе. В целом практически весь северо-запад, запад и юго-запад Польши стал оплотом левых, включая такие крупные центры, как Познань, Щецин, Кошалин, Быдгощ, Торунь, Зелена-Гура и Валбжих. Некоторое исключение составили более «правый» Вроцлав, промышленная Силезия, а также совершенно особый Гданьск, исторический оплот «Солидарности». В то же время к числу «левых» регионов примкнули некоторые крупные воеводства в остальной части Польши (старопромышленный Лодзь, Кельце, Олыштын). Во всех указанных выше регионах Демократический левый альянс получил свыше 30% голосов.

Для восточных регионов Польши характерна ярко выраженная поддержка правых. Самым «правым» оказался юго-восток, когда-то, кстати, входивший в состав Австро-Венгрии и непосредственно соседствующий с правонационалистической украинской Галичиной. Наряду с Гданьском более половины голосов «Солидарности» в 1997 г. отдали расположенные на юго-востоке Новы-Сонч, Тарнув и Жешув, более 40% – соседние Пшемысль, Кросно, Бельско-Бяла, Столечне, а также крупнейший центр юго-востока Краков. Кроме того, более 40% избирателей голосовали за «Солидарность» в главном северо-восточном центре – Белостоке и соседней Ломже. В других восточных воеводствах показатели голосования за правых были немного ниже, но также весьма солидными⁶². В Ченстохове, известном центре религиозного паломничества, влияние левых и правых смешалось, те и другие получили свыше 30% голосов. Таким образом, правой ориентацией в Польше отличается восточный фронт и в особенности его южная часть, примыкающая к Украине и Словакии. Именно здесь можно говорить о большем сохранении традиционализма и отчасти о развитии национализма (хотя для восточных окраин стран ЦВЕ он обычно не характерен, за исключением, прежде всего, Хорватии). Напротив, вновь присоединенные западные земли оказались более левыми по своей ориентации.

Похожая электоральная инверсия характерна и для Литвы, которая, как и Польша, делится на несколько историко-культурных областей. Наиболее крупными из них являются Жемайтия (Запад) и Аукштайтия (Восток). Поддержкой левоцентристских сил или по крайней мере всех, кто не исповедует идеологию литовского национализма, выделяется именно Жемайтия, составляющая своего рода литовский «красный пояс». На основной части Жемайтии на президентских выборах 2004 г. К.Прунскене получила во втором туре более 55–60% голосов. В тех же районах высокой поддержкой в 2003 г. пользовался Р.Паксас⁶³. В некоторых районах Жемайтии на

⁶² Исключение составил расположенный на украинской границе Хелм, тяготеющий к левым.

⁶³ Уже после импичмента, на новых парламентских выборах 2004 г. движение Р.Паксаса «За порядок и справедливость» отличилось именно в Жемайтии. В Тельшайском районе оно получило более 30% голосов при 11,4% по стране в целом. Тельшай и промышленный Мажейкяй (где находится единственный в странах Балтии нефтеперерабатывающий завод) входили в число самых благоприятных территорий для Р.Паксаса и К.Прунскене на президентских выборах 2003 и 2004 гг.

⁶⁴ Одержавшая сенсационную победу на выборах партия, созданная русским по происхождению бизнесменом В. Успаских и позиционированная левее центра в литовской системе политических координат. Главной же опорой этой партии стали находящийся неподалеку от «националистического» Каунаса Кедайняй (где находится основной бизнес В. Успаских) и соседняя Ионава.

⁶⁵ Популярность правых в городе Шяуляй, одном из самых крупных литовских городов, центре Жемайтии существенно ниже, хотя и не столь низка, как в окружающих сельских районах.

⁶⁶ Своего рода «Неманский пояс». Так, В. Адамкус набрал во втором туре более 60% голосов в районах Юрбаркас и Шилуте, расположенных на Немане. Хотя расположенные еще ближе к Каунасу Кедайняй и Ионава стали оплотом В. Успаских.

⁶⁷ ВМРО, считающая себя наследницей исторической Временной македонской революционной организации, изначально позиционировалась как националистическая партия. В дальнейшем, впрочем, находясь некоторое время у власти, она стала более умеренной, в т. ч.

парламентских выборах 2004 г. высокой поддержкой пользовались Партия труда⁶⁴ и левоцентристская коалиция «Работа на благо Литвы», созданная премьер-министром А. Бразаускасом, бывшим партийным лидером республики в советский период, и А. Паулаускасом (в основе коалиции – Социал-демократическая партия Литвы, до 2001 г. – Демократическая партия труда Литвы). Более умеренная левая ориентация отличает южные районы Литвы, где на парламентских выборах 2004 г. неплохо голосовали за коалицию А. Бразаускаса и А. Паулаускаса. Одним из оплотов социал-демократов стал, например, Алитус, наиболее крупный центр на Юге Литвы (более 30% голосов).

В то же время Аукштайтия, восточная часть Литвы отличается более выраженной правой ориентацией. Хотя на карте это не столь заметно, поскольку на востоке и юго-востоке Литвы велика доля польского и русского населения, которое голосует за левых и левоцентристов. Тем не менее, аукштайтские районы с литовским населением тяготеют скорее вправо. Например, в Утене В. Адамкус набрал во втором туре президентских выборов 2004 г. более 60% голосов. Наиболее крупный центр восточной половины Литвы – Паневежис на парламентских выборах 2004 г. отдал более 20% голосов Союзу Отечества (В. Ландсбергис), стараясь не отставать от Каунаса и Вильнюса⁶⁵. В целом, однако, электоральная география Литвы носит довольно сложный характер, не сводясь к расколу «Запад–Восток» («Жемайтия – Аукштайтия»). Совершенно особая ситуация характеризует два наиболее крупных центра Литвы – Вильнюс и Каунас, юго-восточные районы с польским населением, литовский Юг. Поддержкой правых на последних президентских выборах выделялись районы к югу от Жемайтии, отчасти тяготеющие к Каунасу⁶⁶.

Элементы электорально-географической инверсии отмечаются также в Македонии. На президентских выборах 2004 г. кандидат партии ВМРО С. Кедев отличился, прежде всего, в восточных и юго-восточных районах Македонии⁶⁷. Проиграв выборы в целом социал-демократу Б. Црвенковски, он все-таки смог набрать во втором туре свыше половины голосов в небольших восточно-македонских общинах Свети-Николе и Винница. Результат более 45% был получен еще в целом ряде восточных регионов, расположенных ближе к болгарской границе (из западных районов в этот список попал только Прилеп). Со своей стороны Б. Црвенковски уверенно лидировал в западных и северных районах, как отличающихся высокой долей албанцев, так и македонских по этническому составу. Причины такого раскола требуют дополнительного изучения. Восточные районы Македонии находятся ближе к Болгарии, что, возможно, делает там более острой проблему национальной идентичности (как известно, в Болгарии македонцев принято считать этническими болгарами; македонцев это, понятно, не устраивает). Возможно, поэтому

по «албанскому вопросу».

македонские правые пользуются на «болгарском фронтире» большей поддержкой. В то же время примечательно, что на «албанском фронтире», т. е. на Западе и Севере Македонии правые как раз утратили популярность (которую имели там в начале 1990-х гг.). Возможно, это объясняется тем, что, находясь у власти, они проводили осторожную политику в отношении албанского меньшинства, и в целом в Македонии не осталось ни одной значимой партии, которая разрывала бы антиалбанскую карту. В этих условиях проблема «албанского фронта» утратила пока свое влияние на электоральную географию Македонии.

Таким образом, раскол «Запад–Восток» во многих странах ЦВЕ является еще одним значимым электорально-географическим расколом, наряду с различиями между центрами и перифериями. В самом общем виде можно говорить о том, что в рамках внутривосточной поляризации правые и правоцентристские тенденции обычно сближают инновационные центры и обращенные к западу регионы соответствующих стран. При этом, однако, либеральная тенденция более характерна для инновационных центров. Проявления правонационалистической тенденции распространены в некоторых странах ЦВЕ, находящихся в менее устойчивом геополитическом положении, но их локализация зависит от расположения фронта. В одних случаях этот фронт находится на востоке (Хорватия), в связи с чем возникает политико-географическая инверсия, и западные районы поддерживают реформированных левых (отчасти по этой причине, отчасти в силу особой истории формирования и развития территории такая инверсия прослеживается в Польше). В других случаях, однако, основной фронт может оказаться на западе. В этой связи «правый Запад» в государстве ЦВЕ может быть не результатом географического контакта, непосредственного «облучения» исходящими из Западной Европы политическими инновациями⁶⁸, а националистически окрашенной реакцией на остро воспринимаемую на фронтире геополитическую нестабильность (Румыния) или способом отталкивания непосредственно обращенных к западу регионов страны от России (Латвия, Эстония). В последних случаях вместо правоцентристской тенденции на западных территориях развивается правонационалистическая.

⁶⁸ Инновациями, которые пока еще воспринимаются значительной частью общества как «расставание с коммунизмом» и, в этой же связи, как отторжение или невосприятие левых, даже реформировавшихся в соответствии с европейскими принципами.

Литература

1. Охрименко В.С. Президентские выборы в Беларуси: взгляд из 1997 г. // Полис. 1997. № 6. С. 80–86.
2. Томенко Н. Итоги парламентских выборов в Украине. Политические ориентации и предпочтения населения // Полис. 1998. № 3. С. 74–81.
3. Туровский Р.Ф. Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа // Политика. 2004. №№ 1 и 2.

4. Хинич М., Хмелько В., Ордешук П. Пространственный анализ парламентских выборов 1998 года в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1. С. 59–77.

5. *Gudgin G., Taylor P.* Seats, Votes and the Spatial Organisation of Elections. London, Pion, 1979.

6. *Hagerstrand T.* The Propagation of Innovation Waves // Readings in Cultural Geography. Ed. by Wagner P.L. and Mikesell M.W. Chicago and London, 1962.

7. *Hagerstrand T.* Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967.

8. *Taylor P.J., Johnston R.J.* Geography of Elections. London, Penguin, 1979.

При проведении исследования были использованы результаты выборов в региональном разрезе в Польше (парламентские выборы 1997 г.), Чехии (парламентские выборы 1998 и 2002 гг.), Словакии (парламентские выборы 1998 и 2002 гг.), Венгрии (парламентские выборы 1998 и 2002 гг.), Словении (парламентские выборы 2000 и 2004 гг.), Хорватии (парламентские выборы 2000 и 2003 гг., президентские выборы 2005 г.), Боснии и Герцеговине (парламентские выборы 2000 и 2002 гг.), Сербии (парламентские выборы 2000 г., президентские выборы 2003 и 2004 гг.), Черногории (парламентские выборы 2001 и 2002 гг.), Македонии (парламентские выборы 2002 г., президентские выборы 2004 г.), Албании (парламентские выборы 2001 г.), Румынии (парламентские выборы 2000 и 2004 гг.), Болгарии (парламентские выборы 2001 г.), Эстонии (парламентские выборы 1999 и 2003 гг.), Латвии (парламентские выборы 2002 г. и выборы в Европарламент 2004 г.), Литве (президентские выборы 2002/2003 и 2004 гг., парламентские выборы 2004 г.), Белоруссии (президентские выборы 2001 г.), Украине (парламентские выборы 1998 и 2002 гг., президентские выборы 2004 г.), Молдове (парламентские выборы 1999, 2001 и 2005 гг.), Грузии (президентские и парламентские выборы 2004 г.), Армении (президентские выборы 1998 и 2003 гг., парламентские выборы 2003 г.).